Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.).

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).

№ 173 (8844) | Понедельник, 22 июня 1942 г. | ЦЕНА 15 КОП.

«Мы ведём войну отечественную, освободительную, справедливую. У нас нет таких целей, чтобы захватить чужие страны, покорить чужие народы. Наша цель ясна и благородна. Мы хотим освободить нашу советскую землю от немецко-фашистских мерзавцев. Мы хотим освободить наших братьев украинцев, молдаван, белоруссов, литовцев, латышей, эстонцев, карелов от того позора и унижения, которым подвергают их немецко-фашистские мерзавцы».

(Из первомайского приказа Наркома Обороны товарища Сталина).

ГОД ВОЙНЫ

Год назад гитлеровская Германия с невиданным в истории вероломством напала на Советский Союз. Без пред'явления каких-либо требований, без об'явления войны, злодейски, из-за угла, как ночной разбойник, Гитлер бросил свои моторизованные орды на нашу родину. В мирную летнюю ночь, отныне памятную всему миру, германские пушки открыли ураганный огонь по пограничным советским городам и селам, германские танки загрохотали по нашей земле, германские солдаты и офицеры ринулись в нашу страну, германские самолеты понесли смерть и разрушение нашим очагам.

В безумном ослеплении Гитлер мнил, что 22 июня 1941 г. станет венцом его «славы». На самом деле в этот день он подписал себе и своей преступной банде смертный приговор. Этот день стал началом конца черносотенного гитлеровского режима, этот день со жгучим стыдом будут вспоминать грядущие поколения немцев, как день своего величайшего национального бесчестия и позора.

Гитлеровские империалисты, самые разбойничьи из всех империалистов мира, в беспримерной наглости своей рассчитывали в короткий срок сокрушить Советский Союз, поработить советских людей, захватить нашу землю и наши богатства, чтобы затем всей силой обрушиться на Англию и на Америку.

Дикари XX века, духовно опустошенные и морально растленные, завладевшие современным автоматическим оружием, танками, самолетами, задумали поставить на колени великий русский народ, переживший татарское иго и нашествие Наполеона, пронесший через все превратности исторической судьбы неиссякаемые творческие способности и высокую моральную силу. Они мечтали уничтожить, стереть с лица земли многовековую русскую культуру, давшую миру бессмертные творения человеческого гения. Они решили покорить народы Советского Союза, вкусившие плоды свободной, счастливой жизни.

Жестоко просчитались эти картежники, возомнившие себя покорителями вселенной. Посеяв ветер, они пожали бурю.

Затаив дыхание, весь мир следил за героическим единоборством советского народа, Красной Армии против чудовищной военной машины Гитлера и его прихвостней. Временные неудачи, вызванные неожиданностью и внезапностью нападения, тяжкие испытания и жертвы не сломили, а закалили волю советских людей. Любовь к родине рождала подлинные чудеса. Боль за захваченные немцами города и села зажгла священное пламя ненависти, которое будет гореть до тех пор, пока не сгниет последний вражеский солдат на нашей земле. Неслыханные злодеяния оккупантов, потоки пролитой ими крови, насилия над женщинами, убийства детей и стариков, пытки и муки невинных людей породили неутолимую жажду мести, способную своротить горы.

Гитлеровские генералы надеялись при помощи мотора обскакать время и уничтожить пространство. Их авантюристические расчеты были перечеркнуты непреклонной волей и решимостью советского народа, возглавляемого партией Ленина—Сталина, стойкостью и героизмом советских воинов, ведущих самую справедливую войну в истории человечества, стратегическим гением отца, учителя и друга советских людей, нашего вождя и полководца товарища Сталина.

Долгие месяцы войны похоронили один за другим стратегические планы немецко-фашистских авантюристов, а необозримые просторы нашей родины стали могилой для сотен кадровых полков и дивизий гитлеровских головорезов. Дорогую цену уплатили немецкие захватчики за оккупацию части нашей территории, а ведь полная расплата еще впереди! Вскоре весь мир убедился, что расписанные немецкой пропагандой «победы» явились поистине пирровыми победами, и более догадливые из германских генералов вспомнили зловещую поговорку 1918 года: «Мы напобеждаемся до смерти!»

Год войны против Советского Союза ослабил гитлеровскую Германию в военном, экономическом, политическом отношениях. Где творимая гитлеровской пропагандой легенда о непобедимости германской армии? Она развеяна впрах огнем советской артиллерии и пехоты, отвагой сталинских соколов и танкистов. Она похоронена в подмосковных снегах и в степях Украины.

Где лживая фашистская похвальба об автаркии, о том, что голод не страшен «Третьей империи»? Затяжная война есть война резервов, война ресурсов. А в гитлеровской Германии людские резервы на исходе, нефть на исходе, сырье на исходе, голод все туже сжимает глотку населения. С лета 1941 г. производство германской промышленности падает. Глубокий кризис переживает сельское хозяйство Германии. Все острее становится нехватка рабочих рук, а труд рабов, пригоняемых на заводы и в поместья германских плутократов и юнкеров из оккупированных и вассальных стран, непроизводителен. По всем швам расползается тришкин кафтан германской экономики.

Где тупоголовое бахвальство немецко-фашистских жуликов насчет «крестового похода» против СССР? Роковая авантюра Гитлера вызвала в Германии тревогу и растерянность, с каждым месяцем растут настроения безнадежности и отчаяния, начинаются уже голодные бунты. Пулеметные гнезда в германских городах, кровавый террор гестапо, расстрелы десятков и сотен людей — такими средствами гитлеровская клика еще держится у власти. Но весь вопрос в том, надолго ли хватит этих средств?

А в то же время с каждым днем все выше вздымаются волны народного гнева и возмущения в оккупированных Германией странах. Трусливые палачи Лидице дрожат перед завтрашним днем, когда из груди исстрадавшихся порабощенных народов Европы вырвется тысячеголосый крик: к расплате!

За год великой отечественной войны организованнее и сильнее стала Красная Армия. В огне войны закалились ее бойцы, командиры, политработники. Их массовый героизм и самопожертвование, храбрость и мужество, стойкость и отвага не имеют себе равных в истории и вызывают безраздельное восхищение всего свободолюбивого человечества. Советские воины научились распознавать врага, правильно оценивать его сильные и слабые стороны. Возрос их опыт и сноровка, растет их умение и искусство. Грозой для подлых немецких захватчиков и их прихвостней стали славные народные мстители—партизаны.

Советская экономика показала перед лицом всего мира свою мощь, организованность, приспособляемость к трудным условиям войны. Вне пределов досягаемости врага, в Танкоградах и Авиаградах самоотверженный труд советских патриотов создает все больше и больше вооружения. На колхозных и совхозных полях зреет богатый урожай. Наши люди научились ненавидеть врага всей душой, сознание смертельной опасности удесятерило силы бойцов фронта и тыла.

В единой советской семье, вокруг большевистской партии—организатора борьбы с немецкими захватчиками, вокруг советского правительства, вокруг товарища Сталина сплотились, как никогда, все народы СССР, рабочие, крестьяне, интеллигенты, герои фронта и герои труда в тылу. Нет той силы в мире, которая могла бы поколебать это единство.

Позорно провалился расчет Гитлера на международную изоляцию Советского Союза. В ходе войны против бронированных разбойничьих орд немецко-фашистского империализма наша родина стала надеждой и оплотом для всех жертв и противников кровавого гитлеризма. В горниле войны родилась и окрепла мощная антигитлеровская коалиция свободолюбивых стран, возглавляемая тремя великими демократическими державами — Советским Союзом, Англией и США. Крепнут узы дружбы и союза между этими тремя державами, о чем ярко свидетельствуют соглашения, заключенные во время поездки тов. В. М. Молотова в Лондон и Вашингтон.

Недалек день, когда гитлеровская Германия очутится в железных тисках войны на два фронта, когда явью станет кошмар, преследовавший всех сколько-нибудь разумных политиков империалистической Германии в течение ряда десятилетий.

В день годовщины войны мы обнажаем головы перед светлой памятью бессмертных героев, отдавших свои жизни за родину. Кровью их сердец цементирована грядущая победа над врагом. Вечно будет жить память о них в великом сердце народном.

Мы знаем, что победа сама не придет, что ее необходимо завоевать в боях, упорных и кровопролитных. Враг еще силен, и страх перед неизбежной расплатой за содеянные преступления будет гнать его на новые отчаянные авантюры. Путь к победе тернист, нас ожидают на нем новые жертвы, новые лишения, новые трудности. Но никогда еще наша уверенность в победе не была так сильна, как сейчас.

Наше дело правое. Наша цель ясна и благородна. Под великим знаменем Ленина — Сталина мы доведем нашу героическую борьбу против немецко-фашистских захватчиков до их полного разгрома, до полного торжества дела нашей родины и всех свободолюбивых народов мира. 1942 год будет годом окончательного поражения врага, годом нашей окончательной победы.

Указ Президиума Верховного Совета СССР

О награждении орденом Трудового Красного Знамени завода № 41 Наркомлеса СССР

За успешное выполнение задания Правительства по изготовлению специального вооружения для Красной Армии наградить завод № 41 Наркомлеса СССР орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР **М. КАЛИНИН.**

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР **А. ГОРКИН.**

Москва, Кремль, 21 июня 1942 года.

В Совнаркоме СССР и ЦК ВКП(б)

О дополнительной оплате труда комбайнеров машинно-тракторных станций

В целях поощрения комбайнеров машинно-тракторных станций за хорошее проведение уборки урожая в колхозах, Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) постановили:

1. Предложить колхозам выплачивать комбайнерам сверх получаемой ими оплаты труда от МТС за хорошую уборку комбайнами урожая зерновых культур и подсолнечника дополнительную оплату зерном в следующих размерах:

а) при уборке урожая 15-футовым комбайном комбайнеру, намолотившему в день от 30 до 80 центнеров на комбайн, выдавать по 300 граммов зерна за каждый центнер, намолоченный сверх 30 центнеров, и по 400 граммов за каждый центнер зерна, намолоченного сверх 80 центнеров;

б) при уборке урожая 20-футовым комбайном комбайнеру, намолотившему в день от 40 до 90 центнеров на комбайн, выдавать по 200 граммов зерна за каждый центнер, намолоченный сверх 40 центнеров, и по 300 граммов за каждый центнер зерна, намолоченного сверх 90 центнеров;

в) комбайнерам, работающим в машинно-тракторных станциях Архангельской, Вологодской, Горьковской, Ивановской, Калининской, Кировской, Ленинградской, Московской, Орловской, Смоленской, Рязанской, Тульской, Ярославской, Молотовской, Свердловской, Читинской, Иркутской областей, Хабаровского и Приморского краев, Коми, Марийской, Удмуртской, Якутской, Бурят-Монгольской АССР, Азербайджанской, Грузинской, Армянской и Карело-Финской ССР, выдачу дополнительной оплаты производить, начиная с 20 центнеров при уборке 15-футовым комбайном и начиная с 30 центнеров намолоченного зерна 20-футовым комбайном;

г) при уборке урожая сцепным комбайном комбайнеру, намолотившему в день от 10 до 20 центнеров на комбайн, выдавать по 400 граммов зерна за каждый центнер, намолоченный сверх 10 центнеров, и по 500 граммов за каждый центнер зерна, намолоченного сверх 20 центнеров.

2. В случае повышенной засоренности зерна при комбайновой уборке, допущенной по вине комбайнера, предложить директорам МТС снижать до 30 процентов размер натуральной дополнительной оплаты комбайнерам.

3. Комбайнеру—начальнику агрегата, работающему на двойном или тройном сцепе комбайнов, размер натуральной дополнительной оплаты увеличивается на 10 процентов.

4. Обязать директоров МТС и председателей колхозов обеспечить ежедневный тщательный учет зерна, намолачиваемого каждым комбайнером, и начисление ему колхозами дополнительной натуральной оплаты труда.

5. Установить, что выдача дополнительной натуральной оплаты зерном комбайнерам производится колхозами по окончании работы комбайнера в данном колхозе.

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

УТРЕННЕЕ СООБЩЕНИЕ 21 ИЮНЯ

В течение ночи на 21 июня на фронте существенных изменений не произошло.

* * *

Героические защитники Севастополя с величайшим мужеством отбивают атаки противника. Батарея тов. Моргунова за три дня боев уничтожила 7 немецких танков и разгромила до трех батальонов вражеской пехоты. По батарее, которой командует тов. Дзамгаев, противник за короткий срок выпустил более 1.000 снарядов крупного калибра. Несмотря на это, отважные артиллеристы-краснофлотцы ни на минуту не прекращали огонь и уничтожили до 300 гитлеровцев.

Борьба за Севастополь полна героических эпизодов. Старшина 1-й статьи тов. Кисляк подобрался к танку противника и с расстояния в 15 метров забросал его бутылками с горючей смесью. Танк сгорел. Краснофлотец Воротник в критический момент боя выдвинулся со своим пулеметом на открытые позиции и уничтожил до 200 немцев. Краснофлотец Хохлов был ранен, но не покинул поле боя. Из противотанкового ружья он уничтожил немецкий танк, обстреливавший наши боевые порядки. Командир авиаэскадрильи Черноморского флота тов. Кичигин за один вылет уничтожил 4 немецких танка. Летчик Акулов вступил в бой с 8 вражескими бомбардировщиками и сбил «Юнкерс-88».

* * *

На одном из участков Ленинградского фронта артиллеристы и минометчики за два дня подавили и уничтожили более 20 артиллерийских и 15 минометных батарей, 10 отдельных минометов, 30 пулеметных точек, разрушили 5 ДЗОТ'ов и 3 блиндажа, взорвали склад боеприпасов и уничтожили не менее 400 немецких солдат и офицеров.

* * *

Подразделения, где командирами тт. Фоменко и Корчица (Северо-Западный фронт), продвинулись вперед и заняли новые, более выгодные позиции. Противник оставил на поле боя много убитых и раненых.

* * *

В одном бою младший командир Ушаков и красноармеец Баланин под артиллерийским и пулеметным огнем противника 15 раз восстанавливали нарушенную связь.

* * *

Несколько отрядов ленинградских партизан, об'единенных под командованием тт. Б. и К., произвели нападение на вражеский укрепленный пункт. В ожесточенном бою партизаны уничтожили 130 оккупантов, автоматическую пушку, минометную батарею и подбили немецкий танк. В тот же день советские патриоты пустили под откос вражеский железнодорожный эшелон в составе 50 вагонов с танками, артиллерией, горючим и живой силой.

* * *

Пленный фельдфебель 11 немецкой пехотной дивизии Иозеф К. рассказал: «Я сдался в плен со своим взводом. Вместе с нами сложил оружие взвод штабс-фельдфебеля З. Это произошло при следующих обстоятельствах. После сильного артиллерийского обстрела на нас двинулись русские танки. Я предложил моим солдатам сдаться. Что побудило меня к этому? Я зверски устал от войны. За год моя рота десять раз получала пополнение. В общей сложности она потеряла за это время убитыми и ранеными свыше 300 человек. Слишком много жертв и крови стоит нам эта бессмысленная и преступная война. На мое решение повлияли также и мрачные письма, которые я получал из дому. Моя мать пишет, что простые люди очень намучились и проклинают тех, кто затеял эту войну».

* * *

На поле боя подобрано письмо финскому солдату Ялмари Салстрем от его жены. В нем говорится: «Ждала тебя, но больше ждать не могу, так как ты оттуда не вернешься никогда. Жизнь здесь очень горькая. Наверно, мы скоро умрем. Может быть, получишь отпуск и приедешь хоронить нас?».

ВЕЧЕРНЕЕ СООБЩЕНИЕ 21 ИЮНЯ

В течение 21 июня на Севастопольском участке фронта наши войска отбивали неоднократные и ожесточенные атаки немецко-фашистских войск. Противнику ценою огромных жертв удалось вклиниться в нашу оборону.

На других участках фронта существенных изменений не произошло.

За истекшую неделю, с 14 по 20 июня включительно, в воздушных боях, на аэродромах противника и огнем зенитной артиллерии уничтожено 264 немецких самолета. Наши потери за это же время—103 самолета.

* * *

За 20 июня частями нашей авиации на различных участках фронта уничтожено или повреждено 16 немецких танков, 60 автомашин с войсками и грузами, 2 орудия, 14 минометов, 20 зенитных орудий, несколько автоцистерн, рассеяно и частью уничтожено до двух рот пехоты противника.

* * *

На одном из участков Харьковского направления противник силою до двух полков пехоты при поддержке танков и авиации атаковал наши части. Ценою больших потерь немцам удалось форсировать в одном месте реку и несколько оттеснить наши войска. Перейдя в контратаку, наши бойцы сбросили противника в реку, переправились на ее западный берег и овладели рядом населенных пунктов. На поле боя осталось много убитых и раненых гитлеровцев и брошенное ими вооружение.

* * *

Наше танковое подразделение (Северо-Западный фронт) в бою с противником уничтожило 19 ДЗОТ'ов, 43 блиндажа, 4 немецких танка, 2 артиллерийских батареи и отдельно 12 орудий, 3 миномета, 2 батареи противотанковых орудий и более 200 немецких солдат и офицеров.

* * *

Группа советских самолетов-штурмовиков встретилась над линией фронта с 7 немецкими истребителями. Летчик-истребитель старший лейтенант Максимов, прикрывавший штурмовиков, смело вступил в бой с немецкими истребителями и тем самым дал возможность штурмовикам выполнить боевое задание. В воздушном бою против семи самолетов противника тов. Максимов сбил один «Мессершмитт» и благополучно вернулся на свой аэродром.

* * *

За четыре дня снайпер тов. Макуцевич истребил 15 гитлеровцев, снайпер тов. Солонгин — 13 гитлеровцев, тов. Мазур — 11, тов. Ясавей Бариев — 5 и снайпер тов. Конюхов — 4 солдат и офицеров противника.

* * *

Партизанский отряд «Батя» на-днях отбил атаку немецко-фашистских оккупантов. В бою с партизанами гитлеровцы понесли значительные потери.

* * *

Ниже публикуются выписки из дневника убитого немецкого обер-фельдфебеля, члена фашистской партии, Эриха Рюллингера:

«**21 июня 1941 года.** Исполняется мое заветное желание! Мы снова идем в дело. С вечера лихорадочно готовились к наступлению. Последняя проверка оружия и материальной части. Настроение отличное. Война, очевидно, продлится не более двух месяцев. Россия очень богатая страна...

20 августа. Два месяца войны. Русские яростно сопротивляются и не хотят последовать примеру французов. Нас становится все меньше. В ротах много новых лиц.

12 октября. Русские осыпают нас градом бомб и снарядов. От артполка осталась жалкая горстка. Орудийные расчеты бросили пушки и пытались спастись бегством, но их настигли русские танки... Я с ужасом смотрю на календарь и на карту России. До конечной цели еще очень далеко. Кто мог подумать, что война так затянется?

15 декабря. Мы отступаем. Какое это противное зрелище! Если бы только русские оставили нас в покое на зиму... Эти мучительные холода невыносимы. Лазарет переполнен обмороженными. Я отвез унтер-офицера Артура Калькштейна в лазарет. Врач равнодушно сказал ему: «Мы должны отнять у вас ноги, иначе—смерть»... Когда кончится этот ералаш?..

10 февраля 1942 года. Который раз нам обещают смену. Все это одно надувательство, пилюля для успокоения слабонервных простаков. Скоро некого будет сменить. Все околеем в снежных сугробах...

28 апреля. Резервисты погибают, как мухи. Список потерь все растет. Неужели это все напрасные жертвы? Война продолжается, и этой мерзости конца не видно.

19 мая. Силы и мужество покинули нас, и мы уже не годимся для больших наступательных боев.

12 июня. Мы топчемся на месте. Мог ли я в прошлом году поверить, что расстаюсь с родиной на такой долгий срок. Все опостылело. Дни и ночи строим укрепления, зарываемся в землю. Можно с ума сойти от тоски и злости».

* * *

Получены сведения о зверствах немецких мерзавцев в оккупированных районах Орловской области. В гор. Трубчевске гитлеровцы закрыли все лечебницы, аптеки и магазины. В городе свирепствуют эпидемии и голод. Ежедневно умирают десятки жителей. Вход в город и выход из него воспрещен под страхом смерти. Немецкие солдаты врываются в дома, грабят и убивают ни в чем не повинных людей. Немцы насильно отправляют советских граждан в качестве рабов на работу в Германию. Дети отправленных брошены на произвол судьбы и обречены на гибель.

* * *

Находившиеся в лагерях близ города Вены австрийские солдаты, узнав о предстоящей отправке на советско-германский фронт, взбунтовались и потребовали распустить их по домам. Были вызваны специальные части эсэсовцев. Много солдат арестовано.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О НАГРАЖДЕНИИ РАБОТНИКОВ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ПРОИЗВОДЯЩЕЙ СПЕЦИАЛЬНОЕ ВООРУЖЕНИЕ

За успешное выполнение задания Правительства по освоению производства и изготовлению специального вооружения для Красной Армии наградить:

ОРДЕНОМ ЛЕНИНА

1. **Андреева** Николая Михайловича — главного конструктора.
2. **Воробьева** Александра Николаевича—директора завода «Память Парижской Коммуны» Наркомречфлота.

ОРДЕНОМ ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

1. **Ефремова** Петра Васильевича—слесаря монтажника завода № 41 Наркомлеса СССР.
2. **Ивлева** Вячеслава Михайловича — бывш. главного инженера завода им. Молотова Наркомречфлота.
3. **Луньянова** Александра Александровича — зам. Народного Комиссара Речного Флота.
4. **Мазанова** Константина Александровича — бригадира кровельного цеха завода им. Молотова Наркомречфлота.
5. **Немкова** Константина Семеновича — моториста завода № 640 Наркомсудпрома.
6. **Огурцова** Константина Михайловича— начальника Центрального Управления промышленных предприятий Наркомречфлота.
7. **Прынова** Михаила Емельяновича — бригадира слесарей-монтажников завода им. Куйбышева Наркомлеса СССР.
8. **Федорова** Дмитрия Ивановича — начальника механического цеха завода им. Куйбышева Наркомлеса СССР.
9. **Шешеного** Илью Антоновича — начальника Главспецдревпрома Наркомлеса СССР.

ОРДЕНОМ КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ

1. **Архипова** Андрея Павловича — слесаря завода № 340 Наркомсудпрома.
2. **Васильева** Александра Николаевича— директора завода № 41 Наркомлеса СССР.
3. **Веселовского** Михаила Викторовича— начальника особого конструкторского бюро Наркомречфлота.
4. **Когтева** Семена Максимовича — директора завода им. Куйбышева Наркомлеса СССР.
5. **Кузьмина** Николая Ивановича — директора завода им. Молотова Наркомречфлота.
6. **Курочкина** Алексея Алексеевича — директора Городецкого механического завода Наркомречфлота.
7. **Малькова** Александра Александровича — испытателя моторов завода «Красная Кузница» Наркомморфлота.
8. **Марянченко** Владимира Григорьевича — монтера Электромортреста Наркомсудпрома.
9. **Николаева** Михаила Николаевича — зам. Народного Комиссара Рыбной Промышленности СССР.
10. **Пряничникова** Петра Сергеевича — строгальщика завода «Память Парижской Коммуны» Наркомречфлота.
11. **Попова** Николая Николаевича — слесаря механического цеха завода им. Ермана Наркомлеса СССР.
12. Инженера-полковника **Рудько** Ивана Харитоновича.
13. **Слечуна** Тимофея Ульяновича — главного инженера Главспецдревпрома Наркомлеса СССР.
14. **Седова** Михаила Герасимовича — инженера.
15. **Чернова** Михаила Ивановича — старшего инженера Московско-Волжско-Камского Центрального Управления Наркомречфлота.

ОРДЕНОМ «ЗНАК ПОЧЕТА»

1. **Аксенова** Григория Андреевича — старшего инженера Главспецдревпрома Наркомлеса СССР.
2. **Афанасьева** Петра Ивановича — начальника монтажного цеха Городецкой судоверфи Наркомречфлота.
3. **Барсукова** Анатолия Александровича—мастера Электромортреста Наркомсудпрома.
4. **Белайгорода** Наума Львовича — начальника монтажного цеха завода им. 10-й годовщины Октябрьской Революции Наркомморфлота.
5. **Борисова** Якова Абрамовича — автомеханика завода «Память Парижской Коммуны» Наркомречфлота.
6. **Гайдукова** Андрея Сергеевича — директора судоверфи им. Кирова Наркомрыбпрома СССР.
7. **Егорова** Бориса Петровича — главного инженера завода № 41 Наркомлеса СССР.
8. **Калинина** Константина Михайловича — прораба завода им. Октябрьской Революции Наркомречфлота.
9. **Канаева** Михаила Ивановича — начальника котельного цеха судоверфи им. Кирова Наркомрыбпрома СССР.
10. **Кандырина** Виктора Михайловича— бригадира слесарей судоверфи им. Кирова Наркомрыбпрома СССР.
11. **Карташева** Николая Васильевича — директора завода им. 25 Октября Наркомречфлота.
12. **Куликова** Андрея Ивановича—руководителя монтажа Шиморского завода Наркомречфлота.
13. **Ланько** Александра Митрофановича — ведущего инженера Наркомрыбпрома СССР.
14. **Левина** Якова Львовича — главного инженера завода им. Бутякова Наркомречфлота.
15. **Макарьевского** Дмитрия Павловича— начальника монтажного цеха завода им. Молотова Наркомречфлота.
16. **Минаева** Николая Владимировича — директора Шиморского завода Наркомречфлота.
17. **Мишина** Александра Ивановича — токаря завода им. 25 Октября Наркомречфлота.
18. **Орлова** Ивана Николаевича — старшего мастера завода № 340 Наркомсудпрома.
19. **Пазюка** Ивана Григорьевича — главного инженера завода им. Куйбышева Наркомлеса СССР.
20. **Посецельского** Леонида Филипповича — директора механических мастерских Главсеврыбпрома Наркомрыбпрома СССР.
21. **Римша** Бронислава Яковлевича — бригадира монтажников комбината «Красный Октябрь» Наркомлеса СССР.
22. **Ровенского** Михаила Вульфовича — начальника отдела оборудования Главснаба Наркомрыбпрома СССР.
23. **Самылина** Григория Федоровича — слесаря Шиморского завода Наркомречфлота.
24. **Сафронова** Алексея Васильевича — главного инженера завода им. Ермана Наркомлеса СССР.

(Продолжение Указа следует).

ПАРТИЯ ЛЕНИНА—СТАЛИНА— ОРГАНИЗАТОР ПОБЕД

Ем. ЯРОСЛАВСКИЙ

Год великой отечественной войны советского народа против гитлеровской Германии показал, какие великие силы таятся в советском народе, в советском строе, какими могучими, поистине неиссякаемыми резервами — людскими, сырьевыми, продовольственными — обладает наша страна. А история учит нас, что «Побеждает на войне тот, у кого больше резервов, больше источников силы, больше выдержки в народной толще»,— как писал Ленин в октябре 1919 г. «У нас этого больше, ибо мы можем черпать и долго еще будем черпать все более и более глубоко из среды рабочих и трудящихся крестьян...» (Соч., т. XXIV, стр. 493). Так было в 1918—1920 гг., когда страна была истощена несколькими годами империалистической и гражданской войны.

Сколь же неизмеримо выросли силы нашего народа за два последующих десятилетия! Это особенно ярко показал год войны. Но когда оглядываешься назад, видишь, ощущаешь сильнее всего, что из всех резервов, какими богата страна Советов, самыми богатыми, самыми яркими являются силы моральные,— чудесная, несокрушимая стойкость советских людей в борьбе с врагом, беспримерный героизм Красной Армии, преданность Армии своему народу, готовность итти на величайшие жертвы ради того, чтобы нанести удар подлому врагу, разгромить его, отстоять свободу, честь и жизнь народов нашей страны. Эта моральная сила советского народа и его Красной Армии вызывает глубокое восхищение свободолюбивых народов мира. Одним из очень серьезных итогов года войны — это огромный рост симпатий трудящихся всего мира к советскому народу. Друзья познаются в беде. Когда на Европу, на все демократические страны мира надвинулась страшная,— год тому назад казалось многим — неотвратимая,— угроза коричневой фашистской чумы, сразу стало ясно, что есть только одна сила, которая может остановить эту угрозу, переломить хребет фашистской Германии,—это СССР, это его Красная Армия. И народы мира не ошиблись. Советский Союз и его Красная Армия оправдали надежды свободолюбивых народов. И все видят на примере нашей борьбы, какое значение имеют моральные устои народа в войне.

О моральном факторе в войне, как об одном из важнейших условий прочной победы, писали виднейшие военные теоретики. «Можно было бы сказать,— читаем мы у Клаузевица,—физические явления подобны рукоятке, в то время, как моральные представляют подлинный отточенный клинок, выкованный из благородного металла» (Клаузевиц. «О войне», стр. 169).

Анализируя условия победы в отечественной войне 1812 г., Л. Н. Толстой писал, что в военном деле сила войск есть произведение из массы на что-то другое, называемое икс. Что же это за неизвестный множитель, увеличивающий во много раз силу войска? Толстой отвечает: «Икс это есть дух войска, т. е. большее или меньшее желание драться и подвергать себя опасностям всех людей, составляющих войско... Люди, имеющие наибольшее желание драться, всегда поставят себя и в наивыгоднейшие условия для драки.

Дух войска — есть множитель на массу, дающий произведение силы» (Л. Н. Толстой, «Война и мир», т. IV, стр. 164—165).

Толстой прав. Но этот дух войска есть величина переменная. Он может быть и длительным, все нарастающим фактором войны. В справедливых, освободительных войнах народов этот моральный фактор есть длительная, нарастающая сила сопротивления, ярости и упорства борьбы, все нарастающая сила ненависти к врагу, несущему разорение, бесчестье, рабство, смерть. Но он может быть и временным, преходящим фактором, когда армия ведет несправедливую, хищническую, грабительскую войну. Упорное сопротивление этому врагу, который не имеет привлекательных для народа целей войны, потери и жертвы в несправедливой, грабительской, хищнической войне, какой является война немецко-фашистских захватчиков против СССР и других свободолюбивых народов, ведет неизбежно к упадку боевого духа, к деморализации войск, к потере перспективы в войне, к поражению.

Так было и в период гражданской войны 1918—1920 гг., в первой отечественной войне советского народа против интервентов в те же годы.

В мае 1920 г. Ленин говорил на широкой рабочей и красноармейской конференции Рогожско-Симоновского района Москвы:

«Во всякой войне победа в конечном счете обусловливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь. Убеждение в справедливости войны, сознание необходимости пожертвовать своей жизнью для блага своих братьев поднимает дух солдат и заставляет их переносить неслыханные тяжести. Царские генералы говорят, что наши красноармейцы переносят такие тяготы, какие никогда не вынесла бы армия царского строя. Это об'ясняется тем, что каждый рабочий и крестьянин, взятый под ружье, знает, за что он идет, и сознательно проливает свою кровь во имя торжества справедливости и социализма».

Конечно, вся история народов СССР подготовила их к этой великой исторической освободительной миссии, которую они выполняют с таким достоинством в этой войне. Но больше всего для подготовки нашей страны к тому, чтобы быть в силах бороться и побеждать в этой грозной войне, сделала наша славная коммунистическая партия большевиков, партия Ленина — Сталина.

* * *

Десятилетиями партия Ленина—Сталина выковывала поколения мужественных людей, готовых к боевым действиям, к героическим подвигам, к неустанному труду и суровой борьбе. Ленин и Сталин—всегда перед умственным взором большевика, партийного и непартийного. Слова товарища Сталина, что жизнь не имела бы для него смысла, если б он каждый день этой жизни не мог отдать на то, чтобы добиваться улучшения положения трудящихся, выражают благородную цель, составляющую смысл жизни каждого из нас. Нет жертвы, которую трудно было бы принести ради достижения поставленных партией в интересах всего народа целей. Нет трудности, которую нельзя было бы преодолеть. Нет таких крепостей, которые большевики не могли бы взять: так воспитывают Ленин и Сталин не только партию, но и весь советский народ. Разве вся история трех революций в России, вся история Советской власти и коммунистической партии не подтвердила это? Разве год войны не явился самым убедительным доказательством силы большевистского воспитания масс!

Партия Ленина — Сталина воспитала в советском народе глубокое уважение к народам других стран. Это воспитание в духе равноправия всех народов, непримиримая борьба партии против национализма, против расовых теорий, непрестанная забота партии о сплочении народов СССР выковали то нерушимое морально-политическое единство, которое никому, никогда не удастся разбить, как не удалось его ни разбить, ни даже поколебать немецко-фашистским захватчикам.

Еще задолго до взятия власти в октябре 1917 г. большевистская партия предупреждала трудящихся, что им придется выдержать не одну войну против тех, чью власть народ свергнул после многовековых усилий, и против тех, кто хотел вернуть старый эксплоататорский порядок. В борьбе с этими врагами, в гражданской войне и в войне с интервентами партия Ленина—Сталина создала Красную Армию. Это была новая армия. Старые царские генералы сначала глубокомысленно рассуждали о том, что армии-де создаются десятилетиями и столетиями, что большевикам не удастся в короткий срок создать боеспособную армию. Но организаторский гений Ленина и Сталина помог народу преодолеть все трудности. Войска царских генералов, нередко составленные из отборных офицерских кадров, были разгромлены питерскими и уральскими металлистами, донбассовскими шахтерами, московскими и ивановскими ткачами, боровшимися бок о бок со своими братьями-крестьянами, сибирскими, украинскими и белорусскими крестьянами-партизанами, кавказскими джигитами. Цементировали эту силу, вдохновляли их на борьбу большевики во главе с Лениным и Сталиным. Они показали, на что способен народ, борющийся за справедливые цели. Лучшие люди партии были мобилизованы на фронт. Лучшие ораторы партии вели агитационную политико-просветительную работу в армии. И народ победил.

Не так ли в этот год войны партия большевиков во главе с товарищем Сталиным организовала великую силу Красной Армии и весь советский народ на беспощадную борьбу с лютым врагом? Не одна сотня тысяч большевиков и не один миллион комсомольцев влились в ряды Красной Армии, цементируют ее ряды, ведут политическую, просветительную работу среди красноармейцев и краснофлотцев, повседневно раз'ясняют стоящие перед народом задачи и **личным примером** показывают, как надо бесстрашно, самоотверженно, не жалея самой жизни, бороться с фашистскими бандами.

Но успешная борьба с озверевшими хищниками, германскими империалистами и их вассалами была бы немыслима, если б советский народ не перестроил все народное хозяйство. То, что осталось советскому народу в наследство от царской монархии, представляло собою разбитое корыто. Фактически современная оборонная промышленность СССР создана в период Советской власти. Современная война — война моторов, машин. Почти вся машиностроительная, станкостроительная промышленность СССР — это новая промышленность. Моторостроение, автомобильная, тракторная и танковая промышленность СССР создана за период трех сталинских пятилеток. Алюминиевая, магниевая, никелевая, кадмиевая, молибденовая, вольфрамовая, оловянная, ванадиевая металлургия создана в этот же период. Самолетостроение в СССР — это детище последних лет.

Но в том и состоит организаторская роль партии, в том и состоит организаторский гений товарища Сталина, что осуществление самых грандиозных программ стало возможно в самый короткий срок. Лично товарищ Сталин был инициатором трех пятилеток, мудро предусмотревшим необходимость создания мощной оборонной промышленности. Разве без выполнения трех сталинских пятилеток мы могли бы противостоять с успехом бронированным чудовищам немецких танковых дивизий, их артиллерии, их авиации? А наша страна, создав мощную социалистическую индустрию, не только устояла, но и нанесла сокрушительные удары врагу. Теперь ощущаешь с особой силой, конкретно, какое огромное значение имели решения партийных с'ездов об индустриализации, о строительстве оборонных предприятий, об укреплении Красной Армии.

В тылу врага коммунисты и беспартийные большевики организуют всенародную войну против гитлеровской сволочи. В партизанские отряды влились десятки тысяч коммунистов и комсомольцев. Партизанское движение стало грозной силой, все нарастающей и наносящей врагу все более сильные удары. Честь и слава тем большевикам, которые в труднейших условиях в германском тылу не только наносят удары гитлеровцам, но сумели отстоять Советскую власть на крупнейших партизанских территориях.

А за год войны была выполнена работа, размеры которой сможет оценить только будущий историк. Немцы хвалились, что они захватили чуть ли не ¾ советской промышленности. Жалкие лгунишки! Они знают хорошо, что оборудование промышленности из занятых ими районов заблаговременно было эвакуировано в глубь страны, что на Урале, в Поволжье, в Сибири, в Средней Азии и других, недосягаемых для их стервятников областях, построены за несколько месяцев десятки, сотни новых оборонных предприятий.

Да, за этот год многие секретари обкомов партии целиком переключились на оборонную промышленность. За работой оборонной промышленности неустанно следит лично товарищ Сталин, оказывая ей повседневную помощь. Это внимание партии к созданию мощной оборонной промышленности не может ни на минуту ослабеть. Победа на фронте куется и в тылу — на заводах, фабриках, на транспорте, в шахтах, на колхозных полях. В укреплении патриотического под'ема масс, в могучем расцвете стахановского движения, в героическом труде так же, как в героической борьбе на фронте, огромная роль принадлежит партии большевиков, как организатору побед. Тем более сознание этой важной задачи должно поднять авангардную роль каждого большевика, напрягать волю и силы большевиков на то, чтобы с честью выполнить возложенную на них задачу.

Когда партия большевиков вела непримиримую, беспощадную борьбу с троцкистами, правыми реставраторами и другими врагами партии, не все умели связать эту борьбу с нараставшей уже тогда опасностью военной интервенции германских империалистов. Но судебные процессы троцкистов и правых реставраторов показали, что в лице этих предателей мы имели прямую агентуру германских империалистов, что троцкисты, например, были непосредственно связаны с фашистом Гессом, правой рукой Гитлера. Борьба с ними была борьбой с «пятой колонной». Так партийная борьба против врагов, пробравшихся в ряды партии Ленина — Сталина, и в этом случае, как и на всем протяжении истории, совпадала с борьбою всего советского народа и против внешних врагов. Теперь каждый понимает, какая опасность для СССР была устранена разгромом троцкистов, бухаринцев и других врагов партии и народа.

* * *

Год войны подтвердил еще и еще раз, что в 1941—1942 годах организатором победы явилась, как и в годы гражданской войны, партия Ленина—Сталина. История большевистской партии отмечает, что в тот период «Красная армия победила потому, что руководящим ядром тыла и фронта Красной армии была партия большевиков, единая своей сплоченностью и дисциплиной, сильная своим революционным духом и готовностью пойти на любые жертвы ради успеха общего дела, непревзойденная своим умением организовать миллионные массы и правильно руководить ими в сложной обстановке» («Краткий курс Истории ВКП(б)», стр. 234).

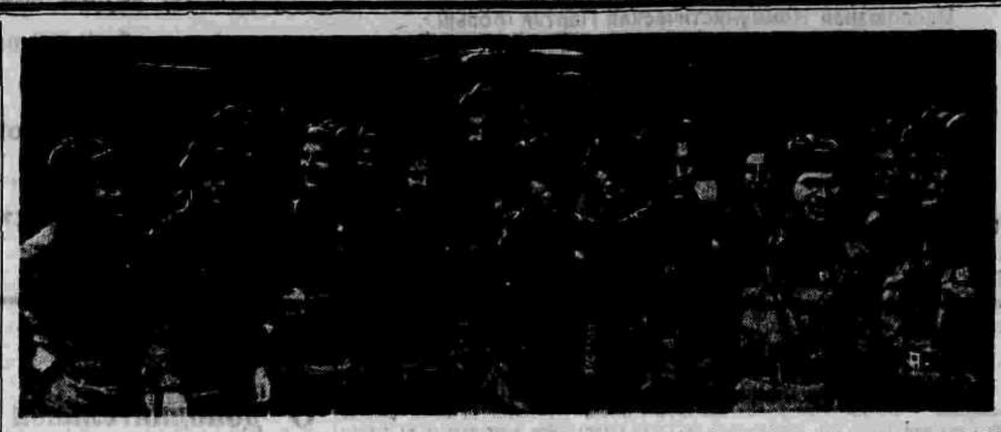
Эти слова принадлежат товарищу Сталину. Глубокая принципиальность, идейность большевистской партии; железная дисциплина ее рядов, которую Ленин часто сравнивал с военной; неразрывная связь большевиков с массами на фронте и в тылу; бесстрашие в бою, презрение к смерти, когда дело идет о спасении своей социалистической родины; выдержка, образцом которой являются Ленин и Сталин; непримиримость к капитулянтам, маловерам, гнилым, неустойчивым элементам; моральная чистота — все эти качества, воспитанные в партии Лениным и Сталиным и воспитываемые в нашей молодой смене — ВЛКСМ, представляют неот'емлемые черты большевиков, на которых история возложила столь серьезную ответственность в эти дни отечественной войны.

Эти черты привлекают в наши ряды и во время войны сотни тысяч новых членов. На фронте бойцы, идя в бой, подают заявления о вступлении в ряды ВКП(б). Они хотят в эти грозные часы и дни влиться в ряды нашей славной большевистской партии, ибо они видят, как велика ее роль, ее значение в жизни страны. Иные из них пишут в своих заявлениях: если умру, считайте меня большевиком, коммунистом. Но самое сознание, что с этого момента они стали в ряды великой партии, созданной Лениным и Сталиным, что они состоят в рядах организации, членом которой является товарищ Сталин, любимый друг, учитель, полководец, удесятеряет их силы, крепит их мужество, усиливает их ярость, силу их удара по врагу.

Они вернутся с победой, убедившись, что сила авангарда может быть в десятки, сотни раз больше его численности. Ибо эта сила помножена на идейность, вдохновляется великими освободительными целями, помножена на огромный боевой и политический опыт, накопленный большевистской партией.

Год тому назад мы вынуждены были взяться за оружие. Во главе народа, борющегося за свою свободу, честь и жизнь, стал испытанный в боях организатор большевистской партии, советского государства, Красной Армии, гениальный полководец, любимый народом товарищ Сталин. Теперь, когда прошел год, нетрудно отметить в итогах пережитого года и просчеты Гитлера, и великолепные результаты внешней политики СССР, и изменения в ходе войны в пользу СССР. Но сила большевистской партии заключается и в том, что она обладает уменьем гениально предвидеть ход событий, и товарищ Сталин показал с первых дней войны эту силу марксистско-ленинского предвидения. Отечественная война блестяще подтвердила то, что год тому назад предвидел товарищ Сталин.

Мы вступаем во второй год войны, уверенные в победе, хотя знаем, что нам предстоит упорная, трудная борьба. «Дух великого Ленина и его победоносное знамя вдохновляют нас теперь на отечественную войну так же, как 23 года назад». Нас вдохновляет, сплачивает, ведет в бой наша славная Коммунистическая партия большевиков. Нас ведет в бой товарищ Сталин. К нему обращены сегодня лучшие чувства и мысли советского народа на фронте и в тылу. К нему обращены сердца и взоры, надежды и чаяния всех угнетенных фашистскими палачами. Ему, знаменосцу и вождю нашей партии, клянемся мы в верности нашему великому делу, в готовности бороться со всей большевистской силой, отвагой, настойчивостью, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома злейшего и опаснейшего врага человечества— гитлеровской Германии.

Западный фронт. На снимке—танкисты энской части. За мужество и отвагу, проявленные в боях с фашистскими захватчиками, они награждены орденами. Слева направо: старший лейтенант А. Д. Папушин, старший сержант А. Д. Марущак, старшина С. Т. Гущин, лейтенант П. В. Беляев, младший сержант А. Л. Макаров, старший лейтенант Б. А. Барабанов, красноармеец И. Н. Баландин, капитан А. М. Медведев, сержант И. М. Щелудько, старший лейтенант В. П. Иванов, старшина М. А. Чеботарь, старший лейтенант В. В. Киселев, старший лейтенант Д. И. Шестерников и политрук В. Д. Тасов.

Фото М. Калашникова.

Демьян БЕДНЫЙ

РАЗ И НАВСЕГДА!

Ядро Истории живой — народы, классы,—
Культурный рост людей, прогресс — ее герой,
Однако, лик ее приобретал порой
Черты уродливой гримасы.

Жизнь человечества была омрачена
Не только лишь одной мифической Голгофой:
В бореньи с варварством бывали времена,
Когда, казалося, народы, племена
Перед последнею стояли катастрофой.

Но — снова брезжил свет, и уходили в мрак
Мерзейших извергов кровавые фигуры,
И провозвестником культурно-новых благ
Победоносно реял флаг
Стран, защищающих очаг родной культуры!

Фашисты думали в дни первые войны,
Что будем мы устрашены
Их бивней варварских оскалиною ржавой.
Мы проучили их ударом вдоль спины
И рукавицею «погладили» шершавой!

Еще опасен враг. Но мы убеждены:
Бит был он — под Москвой,
Бит будет — за Варшавой.
Не даром, боевой решимости полны,
Демократических, великих две страны
Скрепили свой союз с Советскою Державой!

Фашистам не уйти от грозного суда:
Мы уничтожим их, бандитов «высшей расы»,
Всю нечисть подлую змеиного гнезда,
Чтоб у Истории уж больше никогда
Не искажался лик от варварской гримасы!

Савва ГОЛОВАНИВСКИЙ

НОВЫЕ ВРЕМЕНА

Я направлялся в полк майора Белова из штаба дивизии. Я спутал лесные тропки, и вместо того, чтобы обогнуть большой лесной массив справа, обошел его слева.

День был теплый, сквозь белые облака солнечный свет мягко проливался на весеннюю землю, спокойный, легкий ветерок навевал медленные мысли, и о войне смутно напоминали только глухие и, казалось, далекие выстрелы.

Но вдруг над головой раздался зловещий свист. Я машинально упал на землю. Снаряд разорвался неподалеку, в лесной балке. Этот неожиданный выстрел заставил меня проверить правильность своего маршрута. И, взглянув на карту, я понял, что сбился с пути и иду в полк со стороны немцев.

— А я думал, что вы дорогу знаете,— услышал я голос незнакомого человека, лежавшего почти рядом со мной. — Думаю, командир идет в лес, значит — в мой полк. Дай, думаю, пойду за ним, он выведет. А вы, значит, тоже дорожки не знаете...

Невольный упрек был справедлив. Моя беспечность была непростительной. Но откуда взялся этот человек? Увлеченный своими размышлениями, я совершенно не заметил, что рядом со мной шел еще кто-то.

Зловещий свист повторился.

— Да, по глупости попали мы туда, где раки зимуют, — сказал я с досадой на самого себя. — Ну-ка, давай выползать отсюда!

Через десять минут мы шли по дороге, разговаривая, как старые, закадычные друзья. Крещенное огнем фронтовое знакомство уже не удивляло нас и казалось обычным.

Мокий Паламарчук возвращался в полк после полугодичного пребывания в тылу. Он был ранен при обороне Харькова. Около четырех месяцев пробыл в тыловом госпитале, потом два месяца — в отпуску у отца, работающего мастером на эвакуированном заводе. Сейчас он возвращался в свою родную часть, и смешанное чувство радости и беспокойства наполняло его.

Радостным был сам факт возвращения, сознания своей пригодности снова стать в строй, взять в руки автомат. Беспокойство рождала неуверенность в том, что, возвратясь, он встретит тех же людей, своих товарищей, те же боевые привычки, ту же знакомую обстановку.

В первое полугодие войны Паламарчук был отличным разведчиком. Дважды его представляли к награде. Но вот теперь сможет ли он догнать товарищей в их практическом совершенстве, которое они наверняка приобрели за время его отсутствия? Ведь без него полк провоевал всю зиму, победоносно наступал, отбил много сел и городов. Как часто, находясь в госпитале, во время громких читок газет в палате он прерывал политрука и гордо провозглашал:

— Это, братцы, про наш полк написано! Это наши так немцам пить дают.

У поворота лесной дороги нас остановил часовой. То, что он не знал Паламарчука, несколько огорчило моего спутника. Ведь теперь он вел уже меня, как к себе домой, где его все хорошо знают. Но оказалось, что появились новые люди в полку. Это было не удивительно, но все же снова разожгло в нем утихнувшее было беспокойство. Часовой послал за начальником караула, и через минуту Паламарчук засиял, увидев между деревьев знакомую фигуру, направлявшуюся к нам.

— Гриша, друг! — крикнул он.

— Чорт возьми, да никак Мокий ожил? — радостно воскликнул начальник караула и бросился в об'ятия к моему спутнику.

Они крепко поцеловались, и, когда снова взглянули друг на друга, Паламарчук удивленно произнес:

— Да ты, вижу, старший сержант уже! Прошу прощения, товарищ старший сержант, что так по-панибратски я с вами поздоровался.

И тут мой спутник рассказал мне историю этого человека, пришедшего на фронт прямо из колхоза.

— Он все командира бригадиром называл,— сказал Паламарчук.

И оба они весело захохотали.

— А теперь я вот сам бригадир и ты в моей бригаде будешь,— не то с гордостью, не то с намерением успокоить старого сподвижника сказал старший сержант.—Ты, брат, многих у нас в полку теперь не узнаешь. Много воды утекло...

Это было как раз то, что предвидел и чего тайно побаивался Паламарчук, и, на мгновение сдвинув брови, он сосредоточенно сказал:

— Да, кажись, так...

Через минуту мы сидели в кругу бойцов, старых товарищей. Паламарчук, охваченный радостью встречи, однако очень внимательно замечал все то новое, что появилось в полку за время его отсутствия. Ему бросилось в глаза обилие автоматов. А ведь в начале войны только он один во всей роте владел таким оружием. Затем он встал и, провожаемый лукавыми взглядами товарищей, подошел к длинной пирамиде противотанковых ружей, которые до сих пор видел только на газетных фотографиях. Он похлопал ружье по длинному стволу и деловито спросил:

— Толстую броню берет? При мне их и вовсе в полку не было.

Да, он не узнавал своего полка. Много воды утекло за время его пребывания в тылу. Не тем оружием владели теперь его товарищи, да и вообще оружием владели не так, как тогда, в первые дни войны. Он не удивлялся поблескивавшим на груди многих орденам и медалям: тайно жила в нем надежда на то, что и о нем не забыли. Ведь многих орденоносцев представляли вместе с ним. Значит, возможно, что и он свое получит.

Но сможет ли он овладеть всем, что увидел и услышал сейчас? Когда-то единственный автоматчик в роте, сумеет ли он выучиться у десятков обогнавших его товарищей?

Но товарищи быстро успокоили его. Как бы отвечая на невысказанный вопрос, они стали рассказывать о бойцах своего полка и больше всего о тех, кто в первые дни войны, как сейчас Паламарчук, сомневался в своих возможностях, но потом стал героем и прославился далеко за пределами полка.

Здесь я услышал много новых фамилий, но Паламарчуку они все были известны, и каждое слово об этих людях удивляло и восхищало его.

Нам рассказали о бойце Никифорове, которому в конце июня прошлого года немецкий танк отдавил гусеницей каблук сапога. Да, тогда Никифоров струсил и побежал от танка. Но вот несколько дней назад, отражая уже не первую танковую атаку, он хладнокровно пропустил немецкие танки через свой окоп, а потом еще хладнокровней подбил два из них и сжег третий умелым ударом в спину с близкой дистанции.

Нам рассказали о минометной батарее младшего лейтенанта Баринова,—казалось бы, совершенно беспомощной против танков. Но с тем же хладнокровием, что и Никифоров, минометчики пропустили танки, а потом шквальным огнем уничтожили весь сидевший на них немецкий десант.

Положительно, нельзя было узнать этих людей,— как возмужали они, закаленные в беспрерывных жестоких боях, как ловко научились обманывать такого хитрого врага, как немец, какими сильными стали они в борьбе с вражеской броней, как совершенно владели они теперь своими крепкими нервами и замечательным оружием, которого так много дала им их родина.

Все это не так резко бросалось в глаза нам, не разлучавшимся с армией в течение всего этого долгого года испытаний. Но как разительно это было для человека, взглянувшего на нашу мощь со стороны, увидевшего своих старых друзей после шестимесячной разлуки. Да, это были не те люди и не те времена. Это Паламарчук понял сразу, и это окрылило и вдохновило его.

Но тут товарищи стали в свою очередь расспрашивать:

— Неужели эвакуированные харьковские заводы работают на полную мощность?

— Правда ли, что в Москве театры переполнены зрителями?

О, да, об этом Паламарчук мог многое рассказать. Его с жадностью слушали бойцы, забывшие о том, что где-то существует слово «бригадир» и люди ходят в штатских костюмах. Это был мир, воспитавший их, и поэтому он так живо интересовал каждого. Это был мир людей, посылавших им оружие и помнивших о том, что к празднику нужно отправить на фронт подарки, в которые следует уложить все необходимое для воина. Вот и сейчас, вытирая потные лица, многие бойцы брали в руки белые платочки с голубыми каемочками и таинственными инициалами: незнакомые девушки заботливо вышивали их для незнакомых, но дорогих людей.

Паламарчук рассказывал, обрадованный тем, что и он мог сообщить товарищам что-то такое, чего они не знали, и это в некоторой мере уравнивало его с товарищами, давало ему право расспрашивать, не чувствуя их превосходства. Видя то увлечение, с которым слушали его, он даже забывал, что так долго не был среди своих друзей, не участвовал вместе с ними в повседневной боевой деятельности. Он становился уже полноправным членом этой суровой и крепкой семьи, готовой к новой борьбе и к новым подвигам.

Через несколько дней я пришел в штаб армии на торжество вручения наград. В шеренге бойцов и командиров, ожидавших получения орденов, я увидел своего знакомого — Мокия Паламарчука. Видимо, его смущала торжественность обстановки. Но, заметив меня, он еле заметно кивнул головой и улыбнулся.

Нет, о нем не забыли в полку, ни одно из двух его представлений не положили под сукно, и былые подвиги отметили достойно. Худощавый бригадный комиссар вручил ему звезду и медаль и, поздравив с наградой, перешел к следующему. Когда мы выходили из зала, Паламарчук посмотрел на себя в зеркало и сказал:

— Все эти дни я не узнавал товарищей, а теперь и себя узнать не могу. Люди стали не те, армия стала не та, и я, по правде говоря, другим себя чувствую. Ни один год так не переиначил людей, как этот. Сильнее мы стали за этот год. Пришли действительно новые времена.

Сергей ВАСИЛЬЕВ.

МЫ ПОБЕДИМ!

Да, это было ровно год назад,
в погожий день пчелиный, синеокий,
в мою страну, в большой цветущий сад,
ворвался враг коварный и жестокий.
То, что растили мы, лелея и храня,
не зная меры своему старанью,—
подверглось власти злобного огня,
насилью, грабежу и поруганью.
То, что растили мы, любили, берегли,
ласкали, пестовали, поднимали,—
склонилось долу, полегло в пыли,
пробито насквозь свистом рваной стали.
Но горд народ мой. В нем, в народе, есть
характер льва, душа его и зренье.
И горе тем, кто тронул нашу честь,—
сменили мы спокойствие на месть,
любовь на гнев, исполненный презренья.
Враг нас немедля задушить хотел.
Враг лез и полз. Но враг был остановлен.
Он на пути оставил груды мертвых тел.
Теперь он обречен и обескровлен.
Год миновал с тех пор, как едкий дым
навис бедой над вольным нашим краем.
Мы и тогда сказали: победим!
Мы и теперь ту клятву повторяем.
Мы победим! Мы будем жить и петь!
Мы верим в это и стоим на этом.
Не сможет кривда правду одолеть,
Не в силах мрак торжествовать над светом.
Мы победим! — гудит моя земля.
Мы победим! — летит над полем бранным.
Мы победим! — трепещут тополя.
Мы победим! — гремит за океаном.

НАУКА НЕНАВИСТИ

«...Нельзя победить врага, не научившись ненавидеть его всеми силами души».

(Из первомайского приказа Наркома Обороны товарища Сталина).

Михаил ШОЛОХОВ

На войне деревья, как и люди, имеют каждое свою судьбу. Я видел огромный участок леса, срезанного огнем нашей артиллерии. В этом лесу недавно укреплялись немцы, выбитые из села С., здесь они думали задержаться, но смерть скосила их вместе с деревьями. Под поверженными стволами сосен лежали мертвые немецкие солдаты, в зеленом папоротнике гнили их изорванные в клочья тела, и смолистый аромат расщепленных снарядами сосен не мог заглушить удушливо-приторной, острой вони разлагающихся трупов. Казалось, что даже земля с бурыми, опаленными и жесткими краями воронок источает могильный запах...

Смерть величественно и безмолвно властвовала на этой поляне, созданной и взрытой нашими снарядами, и только в самом центре поляны стояла одна чудом сохранившаяся березка, и ветер раскачивал ее израненные осколками ветви и шумел в молодых, глянцевито-клейких листках.

Мы проходили через поляну. Шедший впереди меня связной красноармеец слегка коснулся рукой ствола березы, спросил с искренним и ласковым удивлением:

— Как же ты тут уцелела, милая?..

Но если сосна гибнет от снаряда, падая, как скошенная, и на месте среза остается лишь иглистая, истекающая смолой макушка, то по-иному встречается со смертью дуб.

На провесне немецкий снаряд попал в ствол старого дуба, росшего на берегу безымянной речушки. Рваная, зияющая пробоина иссушила полдерева, но вторая половина, пригнутая разрывом к воде, весною дивно ожила и покрылась свежей листвой. И до сегодняшнего дня, наверное, нижние ветви искалеченного дуба купаются в текучей воде, а верхние — все еще жадно протягивают к солнцу точеные, тугие листья...

* * *

Высокий, немного сутулый, с приподнятыми, как у коршуна, широкими плечами, лейтенант Герасимов сидел у входа в блиндаж и обстоятельно рассказывал о сегодняшнем бое, о танковой атаке противника, успешно отбитой батальоном.

Худое лицо лейтенанта было спокойно, почти бесстрастно, воспаленные глаза устало прищурены. Он говорил надтреснутым баском, изредка скрещивая крупные узловатые пальцы рук, и странно не вязался с его сильной фигурой, с энергическим, мужественным лицом этот жест, так красноречиво передающий безмолвное горе или глубокое и тягостное раздумье.

Но вдруг он умолк, и лицо его мгновенно преобразилось: смуглые щеки побледнели, под скулами, перекатываясь, заходили желваки, а пристально устремленные вперед глаза вспыхнули такой неугасимой, лютой ненавистью, что я невольно повернулся в сторону его взгляда и увидел шедших по лесу от переднего края нашей обороны трех пленных немцев и сзади — конвоировавшего их красноармейца в выгоревшей, почти белой от солнца, летней гимнастерке и сдвинутой на затылок пилотке.

Красноармеец шел медленно. Мерно раскачивалась в его руках винтовка, посверкивая на солнце жалом штыка. И так же медленно брели пленные немцы, нехотя переставляя ноги, обутые в короткие, измазанные желтой глиной сапоги.

Шагавший впереди немец — пожилой, со впалыми щеками, густо заросшими каштановой щетиной, — поровнялся с блиндажом, кинул в нашу сторону исподлобный, волчий взгляд, отвернулся, на ходу поправляя прицепленную к поясу каску. И тогда лейтенант Герасимов порывисто вскочил, крикнул красноармейцу резким, лающим голосом:

— Ты что, на прогулке с ними? Прибавить шагу! Веди быстрей, говорят тебе!..

Он, видимо, хотел еще что-то крикнуть, но задохнулся от волнения и, круто повернувшись, быстро сбежал по ступенькам в блиндаж. Присутствовавший при разговоре политрук, отвечая на мой удивленный взгляд, вполголоса сказал:

— Ничего не поделаешь, — нервы. Он в плену у немцев был, разве вы не знаете? Вы поговорите с ним как-нибудь. Он очень много пережил там, и после этого живых гитлеровцев не может видеть, именно живых! На мертвых смотрит — ничего, я бы сказал, — даже с удовольствием, а вот пленных увидит и либо закроет глаза и сидит бледный и потный, либо повернется и уйдет. — Политрук придвинулся ко мне, перешел на шопот: — Мне с ним пришлось два раза ходить в атаку; силища у него лошадиная, и вы бы посмотрели, что он делает... Всякие виды мне приходилось видывать, но как он орудует штыком и прикладом, знаете ли, — это страшно!

* * *

Ночью немецкая тяжелая артиллерия вела тревожащий огонь. Методически, через ровные промежутки времени издалека доносился орудийный выстрел, спустя несколько секунд над нашими головами, высоко в звездном небе слышался железный клекот снаряда, воющий звук нарастал и удалялся, а затем где-то позади нас, в направлении дороги, по которой днем густо шли машины, подвозившие к линии фронта боеприпасы, желтой зарницей вспыхивало пламя и громово звучал разрыв.

В промежутках между выстрелами, когда в лесу устанавливалась тишина, слышно было, как тонко пели комары и несмело перекликались в соседнем болотце потревоженные стрельбой лягушки.

Мы лежали под кустом орешника, и лейтенант Герасимов, отмахиваясь от комаров сломленной веткой, неторопливо рассказывал о себе. Я передаю этот рассказ так, как мне удалось его запомнить.

— До войны работал я механиком на одном из заводов Западной Сибири. В армию призван 9 июля прошлого года. Семья у меня — жена, двое ребят, отец-инвалид. Ну, на проводах, как полагается, жена и поплакала, и напутствие сказала: «— Защищай родину и нас крепко. Если понадобится — жизнь отдай, а чтобы победа была нашей». Помню, засмеялся я тогда и говорю ей: «Кто ты мне есть, жена или семейный агитатор? Я сам большой, а что касается победы, так мы ее у фашистов вместе с горлом вынем, не беспокойся!».

Отец, тот, конечно, покрепче, но без наказа и тут не обошлось: «— Смотри, говорит, Виктор, фамилия Герасимовых — это не простая фамилия. Ты — потомственный рабочий; прадед твой еще у Строганова работал; наша фамилия сотни лет железо для родины делала, и чтобы ты на этой войне был железным. Власть-то — твоя, она тебя командиром запаса до войны держала, и должен ты врага бить крепко».

«Будет сделано, отец».

По пути на вокзал забежал в райком партии. Секретарь у нас был какой-то очень сухой, рассудочный человек... Ну, думаю, уж если жена с отцом меня на дорогу агитировали, то этот вовсе спуску не даст, двинет какую-нибудь речугу на полчаса, обязательно двинет! А получилось все наоборот. «Садись, Герасимов, — говорит мой секретарь, — перед дорогой посидим минутку по старому обычаю».

Посидели мы с ним немного, помолчали, потом он встал, и вижу — очки у него будто бы отпотели... Вот, думаю, чудеса какие нынче происходят! А секретарь и говорит: «— Все ясно и понятно, товарищ Герасимов. Помню я тебя еще вот таким, лопоухим, когда ты пионерский галстук носил, помню затем комсомольцем, знаю и как коммуниста на протяжении десяти лет. Иди, бей гадов беспощадно! Парторганизация на тебя надеется». Первый раз в жизни расцеловался я со своим секретарем, и, чорт его знает, показался он тогда мне вовсе не таким уж сухарем, как раньше...

И до того мне тепло стало от этой его душевности, что вышел я из райкома радостный и взволнованный.

А тут еще жена развеселила. Сами понимаете, что провожать мужа на фронт никакой жене невесело; ну, и моя жена, конечно, тоже растерялась немного от горя, все хотела что-то важное сказать, а в голове у нее сквозняк получился, все мысли вылетели. И вот уже поезд тронулся, а она идет рядом с моим вагоном, руку мою из своей руки не выпускает и быстро так говорит:

«— Смотри, Витя, береги себя, не простудись там, на фронте». «Что ты, — говорю ей, — Надя, что ты! Ни за что не простужусь. Там климат отличный и очень даже умеренный». И горько мне было расставаться, и веселее стало от милых и глупеньких слов жены, и тихое зло взяло на немцев. Ну, думаю, тронули нас, вероломные соседи, — теперь держитесь! Вколем мы вам по первое число!

Герасимов помолчал несколько минут, прислушиваясь к вспыхнувшей на переднем крае пулеметной перестрелке, потом, когда стрельба прекратилась так же внезапно, как и началась, продолжал:

— До войны на завод к нам поступали машины из Германии. При сборке, бывало, раз по пять ощупаю каждую деталь, осмотрю ее со всех сторон. Ничего не скажешь — умные руки эти машины делали. Книги немецких писателей читал и любил, и как-то привык с уважением относиться к немецкому народу. Правда, иной раз обидно становилось за то, что такой трудолюбивый и талантливый народ терпит у себя самый паскудный гитлеровский режим, но это было, в конце-концов, их дело. Потом началась война в Западной Европе...

И вот еду я на фронт и думаю: техника у немцев сильная, армия — тоже ничего себе. Чорт возьми, с таким противником даже интересно подраться и наломать ему бока. Мы-то тоже к сорок первому году были не лыком шиты. Признаться, особой честности я от этого противника не ждал, какая уж там честность, когда имеешь дело с фашизмом, но никогда не думал, что придется воевать с такой бессовестной сволочью, какой оказалась немецкая армия. Ну, да об этом после...

В конце июля наша часть прибыла на фронт. В бой вступили 27-го рано утром. Сначала в новинку-то было страшновато малость. Минометами сильно они нас одолевали, но к вечеру освоились мы немного и дали им по зубам, выбили из одной деревушки. В этом же бою захватили мы группу, человек в пятнадцать, пленных. Помню, как сейчас: привели их, испуганных, бледных; бойцы мои к этому времени остыли от боя, и вот каждый из них тащит пленным все, что может: кто — котелок щей, кто — табаку или папирос, кто — чаем угощает. По спинам их похлопывают, «камрадами» называют, за что, мол, воюете, камрады...

А один боец-кадровик смотрел-смотрел на эту трогательную картину и говорит: «— Слюни вы распустили с этими друзьями. Здесь они все камрады, а вы бы посмотрели, что эти камрады делают там, за линией фронта, и как они с нашими ранеными и с мирным населением обращаются». Сказал, словно ушат холодной воды на нас вылил, и ушел.

Вскоре перешли мы в наступление и тут действительно насмотрелись... Сожженные дотла деревни, сотни расстрелянных женщин, детей, стариков, изуродованные трупы попавших в плен красноармейцев, изнасилованные и зверски убитые женщины, девушки и девочки-подростки...

Особенно одна осталась у меня в памяти: ей было лет одиннадцать, она, как видно, шла в школу; немцы поймали ее, затащили на огород, изнасиловали и убили. Она лежала в помятой картофельной ботве, маленькая девочка, почти ребенок, а кругом валялись залитые кровью ученические тетради и учебники... Лицо ее было страшно изрублено тесаком, в руке она сжимала раскрытую школьную сумку. Мы накрыли тело плащ-палаткой и стояли молча. Потом бойцы так же молча разошлись, а я стоял и, помню, как исступленный, шептал: «— Барков, Половинкин. Физическая география. Учебник для неполной средней и средней школы». Это я прочитал на одном из учебников, валявшихся там же, в траве, а учебник этот мне знаком. Моя дочь тоже училась в пятом классе...

Это было неподалеку от Ружина. А около Сквиры в овраге мы наткнулись на место казни, где мучили захваченных в плен красноармейцев. Приходилось вам бывать в мясных лавках? Ну, вот так примерно выглядело это место... На ветвях деревьев, росших по оврагу, висели окровавленные туловища, без рук, без ног, со снятой до половины кожей... Отдельной кучей было свалено на дне оврага восемь человек убитых. Там нельзя было понять, кому из замученных что принадлежит, лежала просто куча крупно нарубленного мяса, а сверху — стопкой, как надвинутые одна на другую тарелки, — восемь красноармейских пилоток...

Вы думаете, можно рассказать словами обо всем, что пришлось видеть? Нельзя! Нет таких слов. Это надо видеть самому. И вообще хватит об этом! — Лейтенант Герасимов надолго умолк.

— Можно здесь закурить? — спросил я его.

— Можно. Курите в руку, — охрипшим голосом ответил он и, закурив, продолжал:

— Вы понимаете, что мы озверели, насмотревшись на все, что творили немцы, да иначе и не могло быть. Все мы поняли, что имеем дело не с людьми, а с какими-то осатаневшими от крови собачьими выродками. Оказалось, что немцы с такой же тщательностью, с какой когда-то делали станки и машины, теперь убивают, насилуют и казнят наших людей. Потом мы снова отступали, но дрались, как черти!

В моей роте почти все бойцы были сибиряки. Однако украинскую землю мы защищали прямо-таки отчаянно. Много моих земляков погибло на Украине, а немцев мы положили там еще больше. Что ж, мы отходили, но духу им давали неплохо.

С жадностью затягиваясь папиросой, лейтенант Герасимов сказал уже несколько иным, смягченным тоном:

— Хорошая земля на Украине, и природа там чудесная! Каждое село и деревушка казались нам родными, может быть, потому, что, не скупясь, проливали мы там свою кровь, а кровь ведь, как говорят, роднит... И вот оставляешь какое-нибудь село, а сердце щемит и щемит, как проклятое. Жалко было, просто до боли жалко! Уходим и в глаза друг другу не глядим.

...Не думал я тогда, что придется побывать у немцев в плену, однако пришлось. В сентябре я был первый раз ранен, но остался в строю. А 21-го в бою под Денисовкой, Полтавской области, я был ранен вторично и взят в плен.

Немецкие танки прорвались на нашем левом фланге, следом за ними потекла пехота. Мы с боем выходили из окружения. В этот день моя рота понесла очень большие потери. Два раза мы отбили танковые атаки противника, сожгли и подбили шесть танков и одну бронемашину, уложили на кукурузном поле человек сто двадцать гитлеровцев, а потом они подтянули минометные батареи, и мы вынуждены были оставить высотку, которую держали с полудня до четырех часов. С утра было жарко. В небе ни облачка, а солнце палило так, что буквально нечем было дышать. Мины ложились страшно густо, и, помню, пить хотелось до того, что у бойцов губы чернели от жажды, а я подавал команду каким-то чужим, окончательно осипшим голосом. Мы перебегали по лощине, когда впереди меня разорвалась мина. Кажется, я успел увидеть столб черной земли и пыли, и это — все. Осколок мины пробил мою каску, второй попал в правое плечо.

Не помню, сколько я пролежал без сознания, но очнулся от топота чьих-то ног. Приподнял голову и увидел, что лежу не на том месте, где упал. Гимнастерки на мне нет, а плечо наспех кем-то перевязано. Нет и каски на голове. Голова тоже кем-то перевязана, но бинт не закреплен, кончик его висит у меня на груди. Мгновенно я подумал, что мои бойцы тащили меня и на ходу перевязали, и я надеялся увидеть своих, когда с трудом поднял голову. Но ко мне бежали не свои, а немцы. Это топот их ног вернул мне сознание. Я увидел их очень отчетливо, как в хорошем кино. Я пошарил вокруг руками. Около меня не было оружия: ни нагана, ни винтовки, даже гранаты не было. Планшетку и оружие кто-то из наших снял с меня.

«Вот и смерть», — подумал я. О чем я еще думал в этот момент? Если вам это для будущего романа, так напишите что-нибудь от себя, а я тогда ничего не успел подумать. Немцы были уже очень близко, и мне не захотелось умирать лежа. Просто я не хотел, не мог умереть лежа, понятно? Я собрал все силы и встал на колени, касаясь руками земли. Когда они подбежали ко мне, я уже стоял на ногах. Стоял и качался, и ужасно боялся, что вот сейчас опять упаду, и они меня заколят лежачего. Ни одного лица я не помню. Они стояли вокруг меня, что-то говорили и смеялись. Я сказал: «— Ну, убивайте, сволочи! Убивайте, а то сейчас упаду». Один из них ударил меня прикладом по шее, я упал, но тотчас снова встал. Они засмеялись, и один из них махнул рукой — иди, мол, вперед. Я пошел. Все лицо у меня было в засохшей крови, из раны на голове все еще бежала кровь, очень теплая и липкая, плечо болело, и я не мог поднять правую руку. Помню, что мне очень хотелось лечь и никуда не итти, но я все же шел...

Нет, я вовсе не хотел умирать и тем более — оставаться в плену. С великим трудом, преодолевая головокружение и тошноту, я шел, значит, я был жив и мог еще действовать. Ох, как меня томила жажда! Во рту у меня спеклось, и все время, пока мои ноги шли, перед глазами колыхалась какая-то черная штора. Я был почти без сознания, но шел и думал: «Как только напьюсь и чуточку отдохну, — убегу!»

На опушке рощи нас всех, попавших в плен, собрали и построили. Все это были бойцы соседней части. Из нашего полка я угадал только двух красноармейцев третьей роты. Большинство пленных было ранено. Немецкий лейтенант на плохом русском языке спросил, есть ли среди нас комиссары и командиры. Все молчали. Тогда он еще раз сказал: «— Комиссары и офицеры идут два шага вперед». Никто из строя не вышел.

Лейтенант медленно прошел перед строем и отобрал человек шестнадцать, по виду похожих на евреев. У каждого он спрашивал: «юде?» — и, не дожидаясь ответа, приказывал выходить из строя. Среди отобранных им были и евреи, и армяне, и просто русские, но смуглые лицом и черноволосые. Всех их отвели немного в сторону и расстреляли на наших глазах из автоматов. Потом нас наспех обыскали и отобрали бумажники и все, что было из личных вещей. Я никогда не носил партбилета в бумажнике, боялся потерять; он был у меня во внутреннем кармане брюк, и его при обыске не нашли. Все же человек — удивительное создание: я твердо знал, что жизнь моя — на волоске, что если меня не убьют при попытке к бегству, то все равно убьют по дороге, так как от сильной потери крови я едва ли мог бы итти наравне с остальными, но когда обыск кончился и партбилет остался при мне, — я так обрадовался, что даже про жажду забыл!

Нас построили в походную колонну и погнали на запад. По сторонам дороги шел довольно сильный конвой и ехало человек десять немецких мотоциклистов. Гнали нас быстрым шагом, и силы мои приходили к концу. Два раза я падал, вставал и шел потому, что знал, что если пролежу лишнюю минуту и колонна пройдет, — меня пристрелят там же, на дороге. Так произошло с шедшим впереди меня сержантом. Он был ранен в ногу и с трудом шел, стоная, иногда даже вскрикивая от боли. Прошли с километр, и тут он громко сказал:

«— Нет, не могу. Прощайте, товарищи!» — и сел среди дороги.

Его пытались на ходу поднять, поставить на ноги, но он снова опускался на землю. Как во сне, помню его очень бледное молодое лицо, нахмуренные брови и мокрые от слез глаза... Колонна прошла. Он остался позади. Я оглянулся и увидел, как мотоциклист под'ехал к нему вплотную, не слезая с седла, вынул из кобуры пистолет, приставил к уху сержанта и выстрелил. Пока дошли до речки, немцы пристрелили еще нескольких отстававших красноармейцев.

И вот уже вижу речку, разрушенный мост и грузовую машину, застрявшую сбоку переезда, и тут падаю вниз лицом. Потерял ли я сознание? Нет, не потерял. Я лежал, протянувшись во весь рост, во рту у меня было полно пыли, я скрипел от ярости зубами, и песок хрустел у меня на зубах, но подняться не мог. Мимо меня шагали мои товарищи. Один из них тихо сказал: «— Вставай же, а то убьют!» Я стал пальцами раздирать себе рот, давить глаза, чтобы боль помогла мне подняться...

А колонна уже прошла, и я слышал, как шуршат колеса под'езжающего ко мне мотоцикла. И все-таки я встал! Не оглядываясь на мотоциклиста, качаясь, как пьяный, я заставил себя догнать колонну и пристроился к задним рядам. Проходившие через речку немецкие танки и автомашины взмутили воду, но мы пили ее, эту коричневую теплую жижу, и она казалась нам слаще самой хорошей ключевой воды. Я намочил голову и плечо. Это меня очень освежило, и ко мне вернулись силы. Теперь-то я мог итти в надежде, что не упаду и не останусь лежать на дороге...

Только отошли от речки, как по пути нам встретилась колонна средних немецких танков. Они двигались нам навстречу. Водитель головного танка, рассмотрев, что мы — пленные, дал полный газ и на всем ходу врезался в нашу колонну. Передние ряды были смяты и раздавлены гусеницами. Пешие конвойные и мотоциклисты с хохотом наблюдали эту картину, что-то орали высунувшимся из люков танкистам и размахивали руками. Потом снова построили нас и погнали сбоку дороги. Веселые люди немцы, ничего не скажешь...

В этот вечер и ночью я не пытался бежать, так как понял, что уйти не смогу потому, что очень ослабел от потери крови, да и охраняли нас строго, и всякая попытка к бегству наверняка закончилась бы неудачей. Но как проклинал я себя впоследствии за то, что не предпринял этой попытки! Утром нас гнали через одну деревню, в которой стояла немецкая часть. Немецкие пехотинцы высыпали на улицу, посмотреть на нас. Конвой заставил нас бежать через всю деревню рысью. Надо же было унизить нас в глазах подходившей к фронту немецкой части. И мы бежали. Кто падал или отставал, в того немедленно стреляли. К вечеру мы были уже в лагере для военнопленных.

Двор какой-то МТС был густо огорожен колючей проволокой. Внутри плечом к плечу стояли пленные. Нас сдали охране лагеря, и те прикладами винтовок загнали нас за ограду. Сказать, что этот лагерь был адом, — значит ничего не сказать. Уборной не было. Люди испражнялись здесь же и стояли и лежали в грязи и в зловонной жиже. Наиболее ослабевшие вообще уже не вставали. Воду и пищу давали раз в сутки. Кружку воды и горсть сырого проса или прелого подсолнуха, вот и все. Иной день совсем забывали что-либо дать...

Дня через два пошли сильные дожди. Грязь в лагере растолкли так, что бродили в ней по колено. Утром от намокших людей шел пар, словно от лошадей, а дождь лил, не переставая... Каждую ночь умирало по нескольку десятков человек. Все мы слабели от недоедания с каждым днем. Меня вдобавок мучили раны.

На шестые сутки я почувствовал, что у меня еще сильнее заболело плечо и рана на голове. Началось нагноение. Потом появился дурной запах. Рядом с лагерем были колхозные конюшни, в которых лежали тяжело раненые красноармейцы. Утром я обратился к унтеру из охраны и попросил разрешения обратиться к врачу, который, как сказали мне, был при раненых. Унтер хорошо говорил по-русски. Он ответил: «— Иди, русский, к своему врачу. Он немедленно окажет тебе помощь».

Тогда я не понял насмешки и, обрадованный, побрел в конюшню.

Военврач третьего ранга встретил меня у входа. Это был уже конченный человек. Худой до изнеможения, измученный, он был уже полусумасшедшим от всего, что ему пришлось пережить. Раненые лежали на навозных подстилках и задыхались от дикого зловония, наполнявшего конюшню. У большинства в ранах кишели черви, и те из раненых, которые могли, выковыривали их из ран пальцами и палочками... Тут же лежала груда умерших пленных, их не успевали убирать.

«— Видели? — спросил у меня врач. — Чем же я могу вам помочь? У меня нет ни одного бинта, ничего нет! Идите отсюда ради бога, идите! А бинты ваши сорвите и присыпьте раны золой. Вот здесь у двери — свежая зола».

Я так и сделал. Унтер встретил меня у входа, широко улыбаясь. «— Ну, как? О, у ваших солдат превосходный врач! Оказал он вам помощь?» Я хотел молча пройти мимо него, но он ударил меня кулаком в лицо, крикнул: «— Ты не хочешь отвечать, скотина?!» Я упал, и он долго бил меня ногами в грудь и в голову. Бил до тех пор, пока не устал. Этого немца я не забуду до самой смерти, нет, не забуду! Он и после бил меня не раз. Как только увидит сквозь проволоку меня, приказывает выйти и начинает бить, молча, сосредоточенно...

Вы спрашиваете, как я выжил?

До войны, когда я еще не был механиком, а работал грузчиком на Каме, я на разгрузке носил по два куля соли, в каждом — по центнеру. Силенка была, не жаловался, к тому же вообще организм у меня здоровый, но главное — это то, что не хотел я умирать, воля к сопротивлению была сильна. Я должен был вернуться в строй бойцов за родину, и я вернулся, чтобы мстить врагам до конца!

Из этого лагеря, который являлся как бы распределительным, меня перевели в другой лагерь, находившийся километрах в ста от первого. Там все было так же устроено, как и в распределительном: высокие столбы, обнесенные колючей проволокой, ни навеса над головой, ничего. Кормили так же, но изредка вместо сырого проса давали по кружке вареного, гнилого зерна, или же втаскивали в лагерь трупы издохших лошадей, предоставляя пленным самим делить эту падаль. Чтобы не умереть с голоду, мы ели и умирали сотнями... Вдобавок ко всему в октябре наступили холода, беспрестанно шли дожди, по утрам были заморозки. Мы жестоко страдали от холода. С умершего красноармейца мне удалось снять гимнастерку и шинель. Но и это не спасало от холода, а к голоду мы уже привыкли...

Стерегли нас разжиревшие от грабежей солдаты. Все они по характеру были слеплены на одну колодку. Наша охрана на подбор состояла из от'явленных мерзавцев. Как они, к примеру, развлекались: утром к проволоке подходит какой-нибудь ефрейтор и говорит через переводчика:

«— Сейчас раздача пищи. Раздача будет происходить с левой стороны».

Ефрейтор уходит. У левой стороны ограды толпятся все, кто в состоянии стоять на ногах. Ждем час, два, три. Сотни дрожащих, живых скелетов стоят на пронизывающем ветру. Стоят и ждут.

И вдруг на противоположной стороне быстро появляются немцы. Они бросают через проволоку куски нарубленной конины. Вся толпа, понукаемая голодом, шарахается туда, около кусков измазанной в грязи конины идет свалка...

Немцы хохочут во все горло, а затем резко звучит длинная пулеметная очередь. Крики и стоны. Пленные отбегают к левой стороне ограды, а на земле остаются убитые и раненые... Высокий обер-лейтенант — начальник лагеря подходит с переводчиком к проволоке. Обер-лейтенант, еле сдерживаясь от смеха, говорит:

«— При раздаче пищи произошли возмутительные беспорядки. Если это повторится, я прикажу вас, русских свиней, расстреливать беспощадно! Убрать убитых и раненых!» Немецкие солдаты, толпящиеся позади начальника лагеря, просто помирают со смеху. Им по душе «остроумная» выходка их начальника.

Мы молча вытаскиваем из лагеря убитых, хороним их неподалеку, в овраге... Били и в этом лагере кулаками, палками, прикладами. Били так просто, от скуки или для развлечения. Раны мои затянулись, потом, наверное, от вечной сырости и побоев снова открылись и болели нестерпимо. Но я все еще жил и не терял надежды на избавление... Спали мы прямо в грязи, не было ни соломенных подстилок, ничего. Собьемся в тесную кучу, лежим. Всю ночь идет тихая возня: зябнут те, которые лежат на самом низу, в грязи, зябнут и те, которые находятся сверху. Это был не сон, а горькая мука.

Так шли дни, словно в тяжком сне. С каждым днем я слабел все более. Теперь меня мог бы свалить на землю и ребенок. Иногда я с ужасом смотрел на свои обтянутые одной кожей, высохшие руки, думал: «Как же я уйду отсюда?» Вот когда я проклинал себя за то, что не попытался бежать в первые же дни. Что ж, если бы убили тогда, не мучился бы так страшно теперь.

Пришла зима. Мы разгребали снег, спали на мерзлой земле. Все меньше становилось нас в лагере... Наконец, было об'явлено, что через несколько дней нас отправят на работу. Все ожили. У каждого проснулась надежда, хоть слабенькая, но надежда, что, может быть, удастся бежать.

В эту ночь было тихо, но морозно. Перед рассветом мы услышали орудийный гул. Все вокруг меня зашевелилось. А когда гул повторился, вдруг кто-то громко сказал:

«— Товарищи, наши наступают!»

И тут произошло что-то невообразимое: весь лагерь поднялся на ноги, как по команде! Встали даже те, которые не поднимались по нескольку дней. Вокруг слышался горячий шопот и подавленные рыдания... Кто-то плакал рядом со мной по-женски, навзрыд... Я тоже... я тоже... — прерывающимся голосом быстро проговорил лейтенант Герасимов и умолк на минуту, но затем, овладев собой, продолжал уже спокойнее: — У меня тоже катились по щекам слезы и замерзали на ветру... Кто-то слабым голосом запел «Интернационал», мы подхватили тонкими, скрипучими голосами. Часовые открыли стрельбу по нас из пулеметов и автоматов, раздалась команда: «— Лежать!» Я лежал, вдавив тело в снег, и плакал, как ребенок. Но это были слезы не только радости, но и гордости за наш народ. Немцы могли убить нас, безоружных и обессилевших от голода, могли замучить, но сломить наш дух не могли, и никогда не сломят! Не на тех напали, это я прямо скажу.

* * *

Мне не удалось в ту ночь дослушать рассказ лейтенанта Герасимова. Его срочно вызвали в штаб части. Но через несколько дней мы снова встречались. В землянке пахло плесенью и сосновой смолью. Лейтенант сидел на скамье, согнувшись, положив на колени огромные кисти рук со скрещенными пальцами. Глядя на него, невольно я подумал, что это там, в лагере для военнопленных, он привык сидеть вот так, скрестив пальцы, часами молчать и тягостно, бесплодно думать...

— Вы спрашиваете, как мне удалось бежать? Сейчас расскажу. Вскоре после того, как услышали мы ночью орудийный гул, нас отправили на работу по строительству укреплений. Морозы сменялись оттепелью. Шли дожди. Нас гнали на север от лагеря. Снова было то же, что и вначале: истощенные люди падали, их пристреливали и бросали на дороге...

Впрочем, одного немецкий унтер застрелил за то, что он на ходу взял с земли мерзлую картофелину. Мы шли через картофельное поле. Старшина по фамилии Гончар, украинец по национальности, поднял эту проклятую картофелину и хотел спрятать ее. Унтер заметил. Ни слова не говоря, он подошел к Гончару и выстрелил ему в затылок. Колонну остановили, построили. «— Все это — собственность германского государства, — сказал унтер, широко поводя вокруг рукой. — Всякий из вас, кто самовольно что-либо возьмет, будет убит».

В деревне, через которую мы проходили, женщины, увидев нас, стали бросать нам куски хлеба, печеный картофель. Кое-кто из наших успел поднять, остальным не удалось: конвой открыл стрельбу по окнам, а нам приказано было итти быстрее. Но ребятишки — бесстрашный народ, они выбегали на дорогу за несколько кварталов вперед, прямо на дорогу клали хлеб, и мы подбирали его. Мне досталась большая вареная картофелина. Разделили ее пополам с соседом, с'ели с кожурой. В жизни я не ел более вкусного картофеля!

Укрепления строились в лесу. Немцы значительно усилили охрану, выдали нам лопаты. Нет, не строить им укрепления, а разрушать я хотел!

В этот же день перед вечером я решился: вылез из ямы, которую мы рыли, взял лопату в левую руку, подошел к охраннику... До этого я приметил, что остальные немцы находятся у рва и кроме этого, какой наблюдал за нашей группой, поблизости никого из охраны не было.

— У меня сломалась лопата... вот посмотрите, — бормотал я, приближаясь к солдату. На какой-то миг мелькнула у меня мысль, что если не хватит сил и я не свалю его с первого удара, — я погиб. Немец, видимо, что-то заметил в выражении моего лица. Он сделал движение плечом, снимая ремень автомата, и тогда я нанес удар лопатой ему по лицу. Я не мог ударить его по голове, на нем была каска. Силы у меня все же хватило, немец без крика запрокинулся навзничь...

В руках у меня автомат и три обоймы. Бегу! И тут-то оказалось, что бегать я не могу. Нет сил, и баста! Остановился, перевел дух и снова еле-еле потрусил рысцой. За оврагом лес был гуще, и я стремился туда. Уже не помню, сколько раз падал, вставал, снова падал... Но с каждой минутой уходил все дальше. Всхлипывая и задыхаясь от усталости, пробирался я по чаще на той стороне холма, когда далеко сзади застучали очереди автоматов и послышался крик. Теперь поймать меня было нелегко.

Приближались сумерки. Но если бы немцы сумели напасть на мой след и приблизиться, — только последний патрон я приберег бы для себя. Эта мысль меня ободрила, я пошел тише и осторожнее.

Ночевал в лесу. Какая-то деревня была от меня в полукилометре, но я побоялся итти туда, опасаясь нарваться на немцев.

На другой день меня подобрали партизаны. Недели две я отлеживался у них в землянке, окреп и набрался сил. Вначале они относились ко мне с некоторым подозрением, несмотря на то, что я достал из-под подкладки шинели кое-как зашитый мною в лагере партбилет и показал им. Потом, когда я стал принимать участие в их операциях, отношение ко мне сразу изменилось. Еще там открыл я счет убитым мною немцам, тщательно веду его до сих пор, и цифра помаленьку подвигается к сотне.

В январе партизаны провели меня через линию фронта. Около месяца пролежал в госпитале. Удалили из плеча осколок мины, а добытый в лагерях ревматизм и все остальные недуги буду залечивать после войны. Из госпиталя отпустили меня домой на поправку. Пожил дома неделю, а больше не мог. Затосковал, и все тут! Как там ни говори, а мое место здесь, до конца.

* * *

Прощались мы у входа в землянку. Задумчиво глядя на залитую ярким солнечным светом просеку, лейтенант Герасимов говорил:

— ...И воевать научились по-настоящему, и ненавидеть, и любить. На таком оселке, как война, все чувства отлично оттачиваются. Казалось бы, любовь и ненависть никак нельзя поставить рядышком; знаете, как это говорится, «в одну телегу впречь не можно коня и трепетную лань», а вот у нас они впряжены и здорово тянут! Тяжко я ненавижу немцев за все, что они причинили моей родине и мне лично, и в то же время всем сердцем люблю свой народ и не хочу, чтобы ему пришлось страдать под немецким игом. Вот это-то и заставляет меня, да и всех нас, драться с таким ожесточением, именно эти два чувства, воплощенные в действие, и приведут к нам победу. И если любовь к родине хранится у нас в сердцах и будет храниться до тех пор, пока эти сердца бьются, то ненависть всегда мы носим на кончиках штыков. Извините, если это замысловато сказано, но я так думаю, — закончил лейтенант Герасимов и впервые за время нашего знакомства улыбнулся простой и милой, ребяческой улыбкой.

А я впервые заметил, что у этого тридцатидвухлетнего лейтенанта, надломленного пережитыми лишениями, но все еще сильного и крепкого, как дуб, ослепительно белые от седины виски. И так чиста была эта добытая большими страданиями седина, что белая нитка паутины, прилипшая к пилотке лейтенанта, исчезала, коснувшись виска, и рассмотреть ее было невозможно, как я ни старался.

ГЕРОИ СЕВАСТОПОЛЯ ОТБИВАЮТ ОЖЕСТОЧЕННЫЕ АТАКИ ПРОТИВНИКА

СЕВАСТОПОЛЬ, 21 июня. (Спец. воен. корр. «Правды»). Вчера под Севастополем велись бои на всем фронте и особенно упорные на южном и северном направлениях. Немецкая пехота при поддержке танков неоднократно бросалась в атаки на наши позиции, но защитники черноморской крепости мужественно отражали натиск врага.

На южном направлении ожесточенная борьба разгорелась вокруг одной высоты. В течение дня немцы пять раз пытались выбить наших бойцов с высоты, но каждый раз огнем пулеметов, минометов и ручного оружия атаки отбивались.

На этом же направлении вчера появилась рота вражеской пехоты. Ее встретили шквальным огнем наши минометчики. Рота была рассеяна, многие солдаты уничтожены.

На северном направлении противник под прикрытием большого числа тяжелых танков всеми мерами пытается вклиниться в нашу оборону. Советские воины самоотверженно отстаивают каждую пядь родной земли, нанося противнику большой урон.

Вчера две наши гребные шлюпки с краснофлотцами шли выполнить одно задание. Недалеко от берега шлюпки были встречены двумя немецкими торпедными катерами. Силы неравные — современный торпедный катер, развивающий скорость до 70 километров, и простая шлюпка, передвигающаяся с помощью весел. Однако это не смутило советских моряков, они решили принять бой. Пять раз торпедные катеры бросались в атаку на шлюпки, и пять раз краснофлотцы отбивали атаки и даже нанесли серьезное повреждение одному из катеров. Второму катеру пришлось его уводить на буксире.

После этого шлюпки заметили вражескую подводную лодку. Пулеметным огнем они вынудили ее уйти под воду.

УДАРЫ АРТИЛЛЕРИСТОВ

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ, 21 июня. (Спец. воен. корр. «Правды»). Потеряв на Харьковском направлении четыре населенных пункта, враг пытался снова встать на прежние рубежи. В бой пошло до двух рот противника, от которых немного осталось в живых после шквального артиллерийского и ружейно-пулеметного огня наших бойцов. Немцы попробовали атаковать наши части и в других важных пунктах, но ни одна из вражеских атак не имела успеха.

Против одной артиллерийской части выступила значительная группа немецкой пехоты, сопровождаемая тяжелыми орудиями. Наши артиллеристы уничтожили две вражеские гаубицы вместе с их расчетами, пять гаубиц было подбито, уничтожено свыше 300 солдат и офицеров.

Отвагу и инициативу проявил в бою красноармеец Артебякин. Когда выбыл из строя командир, Артебякин повел бойцов против немецких танков и пехоты. Он пропустил вражеские танки, а потом отсек пехоту противника от опередивших ее машин, обратив гитлеровцев в паническое бегство.

Экипаж танка под командованием коммуниста Дороха внезапно прорвался к позициям противника. Под орудийным и минометным огнем советские танкисты обрушились на артиллерию и на минометы противника. Фашистская минометная батарея вместе с ее расчетом и два противотанковых орудия были расстреляны и раздавлены советской машиной.

РАЗВЕДКА БОЕМ

БРЯНСКИЙ ФРОНТ, 21 июня. (Спец. воен. корр. «Правды»). Бойцы, возглавляемые старшим лейтенантом Петриченко, получили приказ разведать силы гитлеровцев в районе одной деревни, захватить пленных, вскрыть систему обороны и найти стыки немецких частей. План операции был тщательно разработан и предусматривал взаимодействие почти всех родов оружия. Советские воины рвались в бой, желая образцово выполнить поставленную задачу.

В три часа утра наши артиллерийские батареи открыли сокрушительный огонь по переднему краю обороны противника.

Особенно отличились артиллеристы батареи, где командиром тов. Маркин. Выкатив свои орудия на расстояние 200 — 300 метров от об'ектов атаки, они прямой наводкой расстреляли 7 ДЗОТ'ов с прислугой, подбили 1 танк, уничтожили 2 противотанковых орудия. Другая батарея, стреляя с закрытых позиций, уничтожила 6 блиндажей, 2 наблюдательных пункта, взорвала минные поля.

Массированный огневой налет, продолжавшийся 25 минут, был поддержан бомбардировочной авиацией. Вся система обороны противника оказалась нарушенной.

Пользуясь туманом и дымом от разрывов снарядов, наши пехотинцы вплотную подползли к окраинам деревни. Начался штурм укреплений противника. В уцелевшие ДЗОТ'ы полетели гранаты. Красноармеец Ганин уничтожил в блиндаже двух немецких офицеров и 4 солдат. Отважно дрался старшина Амельченко. Он уничтожил 7 немцев, трех захватил в плен. Старший лейтенант Петриченко, несмотря на серьезные ранения, продолжал руководить боем до конца операции.

После того, как десанты, выброшенные на танках, создали угрозу полного окружения деревни, немцы в панике бросились бежать. На плечах отступающего противника наши бойцы ворвались на укрепленную высоту.

В результате хорошо организованной разведки боем немцы потеряли только убитыми до 500 человек. Взяты пленные, захвачены трофеи, большой продовольственный склад. Разгромлен штаб немецкого батальона. Наши потери невелики.

Н. ИЛЬИНСКИЙ.

ПИР КАННИБАЛОВ

В тот день, когда газеты поместили сведения о диких преступлениях немцев в Прибалтике, о казни 60.000 человек в Вильнюсе, о десятках тысяч убитых евреев в Латвийской ССР, когда всех, а особенно нас, прибалтийцев, охватило чувство глубочайшего возмущения,— из Каунаса пришли вести, что немецко-фашистские оккупанты собираются 22 июня отметить праздниками и пирами годовщину нападения на Советский Союз. Казалось бы, что только помутившийся разум мог придумать что-либо более гнусное и циничное, как устройство пьяных оргий в годовщину такого трагического дня.

День 22 июня 1941 года принес много страданий миролюбивым народам СССР, подвергшимся вероломному нападению. Но для Германии он был днем величайшего позора, днем, когда немецкий народ начал особенно жестоко расплачиваться за бескормленного им пса-Гитлера и его бешеную фашистскую свору.

После крушения планов о молниеносной войне против Советского Союза, после разгрома под Москвой, после ряда ударов, нанесенных Красной Армией,—новым, тягчайшим ударом для гитлеровцев явились англо-советский Договор, советско-американское Соглашение, полное единодушие союзников в вопросе об открытии второго фронта в 1942 году.

Немецкие фашисты горят в лихорадке и мечутся в предвидении своего близкого, неизбежного конца. Но подлый шут Геббельс изобретателен. Зимой он приказал собирать граммофонные пластинки для поднятия духа своего замерзавшего воинства. Теперь он решил весельем и пьянством отметить тот день, когда фашистские орды двинулись убивать женщин и детей, грабить и насиловать, когда бомбовозы Геринга начали разрушать советские города и села.

И здесь псы-фашисты следуют «заветам» своих предков — «псов-рыцарей». В «Ливонской Хронике» немецкий летописец времен средневековья пишет об одном из разбойничьих набегов на литовские селения: «Великий магистр Винрих и ливонский магистр Арнольд сошлись в земле язычников литовцев и девять дней сжигали, опустошали, уводили в плен и избивали большую часть людей. Бог оказал такую милость христианам, что язычники дали себя застигнуть врасплох. Их колют, режут. Было много людей и добра: сколько поживы христианам! Как тут было хорошо. Много перебито, много захвачено женщин и детей. Смешно было смотреть на женщин, у которых привязано по два ребенка, один спереди, другой сзади, и на этих мужчин, которые шли отрядами, связанные друг с другом. День был удачный, и вечером был пир».

По указке Геббельса и теперь немецкие фашисты собираются пиром отметить свои гнусные грабежи, убийства и насилия. Немецкие женщины будут украшать себя одеждой, снятой гитлеровскими извергами с изнасилованных и убитых советских женщин, будут обувать своих отпрысков в ботинки, стащенные с замученных русских детей. Фашистские бандиты в оккупированных странах будут пьяными ватагами совершать новые гнусные насилия, будут плясать вокруг виселиц и ради развлечения устраивать иллюминацию, поджигая дома мирных жителей.

Это будет пир каннибалов. Но даже самые слепые и одураченные из фашистской своры не смогут отвести глаза от огненных слов, которые зажгутся на этом валтасаровом пиру. Победы Красной Армии, боевая дружба трех величайших государств мира, воля к борьбе и победе всех свободолюбивых народов начертают эти зловещие и роковые для немецких фашистов слова: «Разгром гитлеризма в 1942 году».

Эти слова вещают о непоколебимой решимости, об исполинской силе, о миллионах крепко вооруженных рук, которые поднимаются для уничтожения бешеного зверя.

Сегодня гитлеровцы будут подло издеваться над порабощенными народами, заставляя голодных и измученных людей смотреть на свои оргии, на гнусную свистопляску палачей и садистов. Они уже предупредили крестьян оккупированной Литвы, что 22 июня пункты для приема скота у крестьян будут открыты. Это значит: «мы, немецкие господа, будем пировать, а вы, рабы и смерды, отдавайте последнюю корову, последнее зерно и любуйтесь, как мы будем веселиться за ваш счет».

Палачи издеваются. Но тем сильнее растет священная ненависть порабощенных народов. Тем крепче закаляется их жажда мести и решимость безжалостно уничтожать презренных фашистских выродков.

Нет слов, чтобы выразить наше возмущение. Будем отвечать врагу самым верным аргументом—оружием.

Любишь ты свободу, ненавидишь гнет,—
Полюби винтовку, бомбу, пулемет!

Таков сегодня лозунг бойцов Красной Армии и партизанских отрядов, с честью выполняющих первомайский приказ нашего великого вождя товарища Сталина. На борьбу до полной победы, до полного разгрома врага вдохновляют нас слова этого исторического приказа:

«Мы ведем войну отечественную, освободительную, справедливую. У нас нет таких целей, чтобы захватить чужие страны, покорить чужие народы. Наша цель ясна и благородна. Мы хотим освободить нашу советскую землю от немецко-фашистских мерзавцев. Мы хотим освободить наших братьев украинцев, молдаван, белоруссов, литовцев, латышей, эстонцев, карелов от того позора и унижения, которым подвергают их немецко-фашистские мерзавцы. Для осуществления этой цели мы должны разбить немецко-фашистскую армию и истребить немецких оккупантов до последнего человека, поскольку они не будут сдаваться в плен. Других путей нет».

Юстас ПАЛЕЦКИС.

ВЕСЬ ЮГОСЛАВСКИЙ НАРОД ПОДДЕРЖИВАЕТ ПАРТИЗАН

СТАМБУЛ, 21 июня. (ТАСС). Триестский корреспондент газеты «Реджиме фашиста» от 6 июня мрачными красками рисует положение итальянских захватчиков в Югославии.

«Почти целый год,—пишет автор,—продолжается изнурительная партизанская война. Покушения, акты саботажа следуют одни за другими... На попытки организовать что-нибудь партизаны отвечают разрушением железных дорог, обстрелом грузовиков и товарных поездов. Наши потери каждый месяц составляют сотни убитых... Было бы наивно полагать, что врага нужно видеть только в скрывающихся в лесах партизанах. Партизаны не могли бы существовать, если бы их не поддерживало население. Если бы население согласилось сотрудничать с военными властями хотя бы одну неделю (автор имеет в виду оккупационные власти), партизанская война была бы окончена, партизанские гнезда очищены, а сами партизаны изолированы».

Автор статьи с циничной откровенностью пишет, что власти готовят «решительные меры» против югославского народа. «Первым долгом,—пишет автор,—нужно разгромить среду, поддерживающую партизан; нужно разбить это молчаливое сочувствие партизанам, которое, как огромная сеть, опутывает нас. Это нужно сделать насильственно». Автор призывает к истреблению славянства. «Нужно беспощадно и решительно действовать против славян»,—пишет он.

АНТИГЕРМАНСКИЕ ЛИСТОВКИ В БРЮССЕЛЕ

ЛОНДОН, 21 июня. (ТАСС). Бельгийское информационное агентство приводит содержание подпольной листовки, пущенной в широкое обращение среди населения Брюсселя брюссельской федерацией «Молодая гвардия». В листовке содержится призыв к бельгийским патриотам регистрировать изменников, «которым следует безжалостно отплатить за их дела».

«Брюссельцы,—говорится в листовке,—отмечайте дома изменников знаком свастики; бойкотируйте всех торговцев, которые являются членами партий, поддерживающих оккупационные власти; давайте всем продавшимся наемникам понять, что вы не желаете парадов чернорубашечников».

УГРОЗЫ ГОЛЛАНДСКОГО ФАШИСТА

СТОКГОЛЬМ, 21 июня. (ТАСС). Берлинский корреспондент газеты «Свенска дагбладет» сообщает, что один из главарей голландских фашистов Шмидт выступил на с'езде в Утрехте с речью, в которой обрушился с угрозами по адресу голландцев, посылающих «оскорбительные письма с выражением презрения» родственникам участников так называемого «антибольшевистского легиона», навербованного, как известно, в Голландии из всякого сброда. «Мы не потерпим таких оскорблений,—истерически вопил Шмидт,—мы уничтожим авторов этих писем, всех до одного. Я предупреждаю голландцев против всех актов диверсий. Молодежь, пытающаяся на лодках перебраться в Англию, рискует головой».

Выступление Криппса на митинге в честь союза между СССР и Великобританией

ЛОНДОН, 21 июня. (ТАСС). Английское министерство информации передает, что вчера в Лондоне состоялись крупная демонстрация и митинг в честь союза между СССР и Великобританией.

В качестве представителя английского правительства и военного кабинета на митинге выступил Стаффорд Криппс.

Криппс сказал: «Мы будем всеми способами поощрять усиление духа дружбы и взаимопонимания между обеими нациями, столь отчетливо отраженного на этом массовом собрании, на котором участвуют представители разнообразных слоев населения».

Криппс подчеркнул, что англо-советский договор представляет второе исключительно важное событие в мировой истории, которое отмечается на нынешней демонстрации. «Все мы сегодня сильнее, чем год назад. Мы надеемся и верим, — продолжал Криппс,—но не следует недооценивать сил, которые еще сохраняют наши враги, а также силы и решительности атак, которых мы должны ожидать, прежде чем враги будут разбиты».

Криппс указал, что хотел бы, чтобы «друзья из СССР могли присутствовать здесь, чтобы не только видеть и чувствовать, в какой мере сердечны наши симпатии и дружба к ним, но также чтобы видеть нашу твердую решимость оказать им всяческую помощь в течение решающих месяцев, предстоящих нашим двум народам».

Криппс отметил, что, «несмотря на расстояние, отделяющее их друг от друга, английская и советская армии воодушевлены одинаковым духом и одинаковым мужеством, проявленным английскими солдатами и летчиками в Западной Пустыне и Красной Армией у Харькова и Севастополя».

«До сих пор мы были избавлены,—продолжал он,— главным образом, благодаря нашим летчикам-истребителям, участвовавшим в битве за Англию, от трагических страданий вторжения. Как велики были бы эти страдания, мы можем теперь представить себе из документов, опубликованных советским правительством относительно того обращения, которому подвергается население захваченных гитлеровцами районов. Никакое, самое живое воображение не может полностью создать нам представления о страшной действительности. Список ужасов и жестокостей возрастает с каждым днем по мере того, как фашисты вымещают свою свирепую злобу на мужчинах, женщинах и детях оккупированных стран. Но настанет день, когда лица, ответственные за эту сознательную политику садистской жестокости и убийств, будут призваны к ответу за свои дела. Это будет сделано не в целях мести, а потому, что цивилизованный мир должен быть достаточно сильным для того, чтобы ясно заявить, что он не потерпит этой отвратительной бесчеловечности».

Криппс далее сказал: «Теперь мы располагаем полной поддержкой Соединенных Штатов Америки в войне. Их помощь с каждым днем возрастает и становится все более эффективной. Учитывая индустриальную мощь, стоящую за ними, в сочетании с нашими собственными производственными ресурсами и ресурсами Советского Союза, ясно, что в конечном счете будет создана непреодолимая сила. Наступит момент, когда, опираясь на эту помощь, мы сможем произвести мощную успешную атаку на Гитлера на западе. Помощь, которую мы можем оказать нашим союзникам, будет действительной только в случае успеха. Неудача может повредить, а не помочь нашему общему делу. Когда мы нанесем удар, нужно нанести его со всей силой и с решимостью дойти до Берлина, прежде чем окончательно остановиться. Когда наступит этот момент, мы не можем сказать. Я не собираюсь помогать Гитлеру, сообщив об этом вам или ему. Это может наступить раньше или позднее, хотя Гитлер, по-видимому, уже догадывается, что можно ожидать удара очень скоро. Поскольку мы занимаемся подготовкой, нет сомнения в том, что и он попытается подготовиться, а это уже само по себе может повлиять на фактор времени. Как вам известно, этот вопрос обсуждался с г. Молотовым, когда он был в Англии, и я могу заверить вас в том, что ему об этом известно гораздо больше, чем я могу сообщить вам».

В заключение Криппс отдал должное павшим отважным бойцам обеих стран и призывал к мужественной борьбе народы, находящиеся за линией германского фронта, подвергающиеся пытке фашистского угнетения. «Народы Великобритании и СССР,—сказал он в заключение,—вместе пойдут вперед с решимостью стереть с лица Европы грязное пятно фашизма».

НАЛЕТЫ АНГЛИЙСКОЙ АВИАЦИИ НА ЭМДЕН И ГАВР

ЛОНДОН, 21 июня. (ТАСС). В коммюнике английского министерства авиации говорится, что в ночь на 21 июня крупное соединение английских бомбардировщиков совершило налет на Эмден и другие об'екты в Северо-Западной Германии. Кроме того, подверглись бомбардировке аэродромы в Голландии.

ЛОНДОН, 21 июня. (ТАСС). В Лондоне официально сообщают, что днем 20 июня бомбардировщики «Бостон» в сопровождении многих эскадрилий истребителей совершили налет на об'екты Гавра.

Днем 20 июня истребители совершили налеты на Булонь и Кале, а также на район Дюнкерка.

Военные действия в Ливии

ЛОНДОН, 21 июня. (ТАСС). В коммюнике английского командования на Ближнем Востоке сообщается, что 19 июня английские подвижные силы вступили в бой с двумя главными колоннами противника, которые 18 июня продвинулись в восточном направлении. Обе вражеские колонны повернули обратно на запад, приблизившись к Бардии примерно на расстояние в 40 км.

Лондонские круги, комментируя сообщение о том, что противник повернул на запад, об'ясняют это тем, что, возможно, противник вынужден перегруппировать силы для подготовки атаки на Соллум и английские позиции на границе, либо для того, чтобы подготовиться вначале захватить Тобрук.

ЛОНДОН, 21 июня. (ТАСС). Как передает английское министерство информации, по сообщению корреспондента газеты «Ньюс кроникл» с ливийского фронта, сведения о том, что генерал Ритчи оттянул часть 8-й армии на границу Ливии и Египта, создали впечатление, будто имперские войска в настоящее время вновь занимают те позиции, с которых они начали наступление 18 ноября 1941 года. В действительности же это не так.

Начиная с 17 апреля до 18 ноября 1941 г., генерал Роммель удерживал на границе сильно укрепленную линию обороны, в которую входили Бардия, форт Капуццо, Соллум, проход Хальфайя, Сиди-Омар, Нуово-Сиди-Омар. Все английские позиции находились в то время к востоку от границы. Соллум удерживался противником до 12 января 1942 года, а Хальфайя была сдана лишь 17 января. То, что противник удерживал Бардию, Соллум и Хальфайю примерно два месяца, сильно связывало продвижение генерала Ритчи на запад. В настоящее время вся эта укрепленная зона принадлежит англичанам.

ПАДЕНИЕ ТОБРУКА

ЛОНДОН, 21 июня. (ТАСС). В коммюнике английского командования на Ближнем Востоке сообщается, что 20 июня противник нанес сильный удар по укреплениям Тобрука. Несмотря на исключительно сильное сопротивление английских войск, противнику удалось прорваться через оборонительную линию и занять значительную часть территории. Бои продолжаются.

ЛОНДОН, 21 июня. (ТАСС). Агентство Рейтер передает, что официально подтверждается сообщение о падении Тобрука.

ИНОСТРАННАЯ ХРОНИКА

Казнен бывший премьер-министр «протектората» Чехия и Моравия генерал Алоиз Элиаш, приговоренный к смерти 10 месяцев назад. Приговор приведен в исполнение 19 июня. Элиашу было пред'явлено обвинение «в подготовке государственной измены и пособничестве противнику».

Германское министерство внутренних дел издало приказ о конфискации имущества, принадлежащего христианским общинам в Госларе и Бланкенбурге, а также имущества христианского научного общества в Брауншвейге. Решение мотивируется «антигосударственным» характером деятельности этих религиозных организаций.

Гитлеровский наместник в Данциге Форстер об'явил, что с сентября этого года польский язык в Данцигской области будет запрещен. Все поляки, не изучившие немецкого языка за последние три года, т. е. с тех пор, как Данциг был захвачен немцами, будут изгнаны из Данцигской области.

О ТОМ, КАК ГИТЛЕР ПРОШЛОГОДНИЙ УВИДЕЛ ГИТЛЕРА СЕГОДНЯ

Рис. худ. КУКРЫНИКСЫ.

Гордый Гитлер прошлогодний
Смотрит с пыльного холста,

Неожиданно сегодня
Он раскрыл свои уста.

Гитлер Гитлера спросил:
— Где ты обувь износил!

Где порвал ты свой мундир,
Истрепал его до дыр!

Отчего ты, мой двойник,
Головой своей поник!

Ты сумел занять Париж —
Что ж Москву не покоришь!

Отчего не взял реванш —
Не шагнул через Ламанш!

Ты ж недавно говорил,
Что Европу покорил,

Смял советские войска —
Не оставил ни полка!..

Поглядев на свой портрет,
Гитлер Гитлеру в ответ:

— Либер готт, всего лишь год,
Как пустился я в поход.

Да погода всё не та —
То мороз, то духота...

Дождь стальной, свинцовый град —
Не война, а сущий ад...

А в лакейской у меня
Целый день идет грызня:

На мокх косится финн,
А на Венгрию — румын.

А Румыния венгерцу —
Тоже будто не по сердцу.

Гитлер Гитлеру всерьез
Задает такой вопрос:

— Что же делать нам, герой,
Если будет фронт второй!..

Глянул Гитлер исподлобья
На зловещий горизонт

И велел свое подобье
В тыл отправить — на ремонт.

С. МАРШАК.

ВОЕННЫЕ РАСХОДЫ США — МИЛЛИАРД ДОЛЛАРОВ В НЕДЕЛЮ

НЬЮ-ЙОРК, 21 июня. (ТАСС). Как передает вашингтонский корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс, по заявлению директора бюджетного бюро Смита, военные расходы правительства сейчас составляют приблизительно 1 млрд. долларов в неделю. За прошлую неделю военные расходы составили 944 млн. долларов против 409 млн. в неделю до нападения на Пирл-Харбор.

Таким образом, военные расходы США в настоящее время почти в три раза превышают военные расходы Англии.

По словам Смита, в бюджетном году, начинающемся 1 июля, военные расходы США дойдут приблизительно до 70 млрд. долларов.

Управление по делам военного производства об'явило, что на военное строительство сейчас расходуется 12,5 млн. долларов в год. За первые пять с половиной месяцев этого года 78 проц. всего нового строительства в стране составляли аэродромы, военные заводы, военные лагери, судостроительные верфи и т. д.

Выступая 17 июня в Нью-Йорке, заместитель военного министра США Паттерсон заявил о резком увеличении производства вооружения. «За первые пять месяцев этого года,— заявил Паттерсон,— мы выпустили в 40 раз больше авиационных пушек, чем за весь 1940 год. Мы произвели до конца мая в 4 раза больше гаубиц, чем в прошлом году за этот же период, и в три раза больше танков».

Война на Тихом океане

МЕЛЬБУРН, 21 июня. (ТАСС). В коммюнике об'единенного командования союзников в юго-западной части Тихого океана сообщается, что бомбардировщики союзников совершили налет на город Рабаул на острове Новая Британия, а также на Лае на северном побережье острова Новая Гвинея.

ЛОНДОН, 21 июня. (ТАСС). В коммюнике английского командования в Дели сообщается, что английские бомбардировщики, несмотря на неблагоприятные атмосферные условия, бомбардировали японские об'екты в Калева на реке Чиндвин в Бирме, а также город Мьитькьина.

БОИ В КИТАЕ

Наступление японских войск в провинциях Чжэцзян и Цзянси приостановлено. На некоторых участках фронта японские войска вынуждены были несколько отойти назад. В восточной части провинции Цзянси упорные бои идут в районе города Гуанфын. В провинции Гуандун бои идут восточнее Кантона в районе города Лубао.

21 июня. (ТАСС).

ВЕРБОВКА БЕЛЫХ РАБОВ В ПАРИЖЕ

ЛОНДОН, 21 июня. (ТАСС). Германское агентство Трансоцеан сообщило, что парижской полиции приказано задерживать на улицах парижскую молодежь обоего пола и насильственно регистрировать ее для отбывания «трудовой повинности» в Германии.

По сообщению с французской границы, в последние дни во всех городах и деревнях Франции власти Виши вывесили плакаты, требующие от французского населения отправки молодежи на работу в Германию. При этом делается предупреждение, что если результаты призыва окажутся неудовлетворительными, то будут применены меры административного воздействия.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ и ИЗДАТЕЛЬСТВА: Москва, 40. Ленинградское шоссе, улица «Правды», д. 24. ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ РЕДАКЦИИ: Справочное бюро — Д 3-15-68; Партийной жизни — Д 1-52-48; Пропаганды — Д 3-11-16; Сельскохозяйственного — Д 3-10-88; Экономического — Д 3-36-82; Иностранного — Д 3-32-88; Писем — Д 3-15-69; Местной сети — Д 3-15-47; Литературы и искусства — Д 3-39-72; Военного — Д 3-36-82; Секретариат — Д 3-15-64. Отдел об'явлений — Д 3-30-12. О недоставке газет в срок сообщать по телефону Д 3-06-05.

Б27183.

Типография газеты «Правда» имени Сталина.

Изд. № 403.